

Цикл деятельностно-ценностных задач по литературе «А.С. Пушкин. Страницы великой жизни и творчества»

Н.В. Лялько

Методический комментарий к циклу

Цикл задач, посвящённый жизни и творчеству А.С. Пушкина, не претендует на полноту отражения в нём школьной программы. **Цель цикла** — углубить представление детей об А.С. Пушкине, создать условия для самостоятельного исследования художественного текста. **Задача цикла** — позволить учителю и ученикам взглянуть на творчество и судьбу гениального художника слова в ином ракурсе: поспорить с мнением авторитетного учёного, задуматься над жанровой принадлежностью стихотворения, поразмышлять над симметрией композиции повести, понять мифологический контекст произведений. Иными словами, попытаться заглянуть в мастерскую гениального поэта всех времён и народов.

Использовать цикл задач можно как элективный курс, углубляющий некоторые темы программы, независимо от того, в каком классе изучается то или иное произведение, и отдельные задачи при изучении произведений автора соответственно программе. Возрастной диапазон детей — от 12 лет и старше.

Логика расположения задач в цикле соответствует времени написания произведений, биографические задачи также даны в хронологии жизни поэта. Завершает цикл задача о феномене гения Пушкина.

Примерное планирование материала

№ блока уроков	Деятельностно-ценностная задача	Методический комментарий
1	Родословная А.С. Пушкина	Задача имеет большое воспитательное значение и может стать началом разговора о родословной семей детей, об исторической памяти, о принадлежности к великому русскому народу, гордости за Отечество, сыном которого всегда считал себя А.С. Пушкин
2	Детство А.С. Пушкина	Решение задачи — это «за» и «против»: традиционный взгляд на детство поэта и современные изыскания учёных
3	Феномен Царскосельского Лицея	Задача способствует формированию личностных компетенций, так как погружает в мир уникального учебного заведения, откуда вышли замечательные сыны своего отечества, будущие государственные деятели, поэты, гений русской и мировой литературы А.С. Пушкин
4	Знакомое и незнакомое Лукоморье	Задача предполагает обращение к черновикам Пушкина, к фольклорным вариантам сказок, к славянской мифологии. Ценность задачи состоит в глубине понимания подтекста «Руслана и Людмилы», что помогает уйти от упрощённого традиционного прочтения вступления к поэме, вызывает потребность читательского исследования, интерпретации гениального художественного текста
5	Десятая муза	Контекст стихотворения «Рифма» довольно широкий, и особенность его состоит в том, что мифологический контекст лежит вне творчества Пушкина, является внешним. А значит для понимания стихотворения античного цикла необходимо знание древнегреческой мифологии, работы со «Словарём античности», «Мифологическим словарём». Для ответа на ключевой вопрос необходимо понимание того, что такое гекзаметр
6	Шедевр пейзажной лирики или... «Куда ж нам плыть?...»	Есть мнение, что стихотворение «Осень» А.С. Пушкина можно отнести к пейзажной лирике, но так ли это? В данной задаче мы делаем акцент на том, что такое процесс рождения поэзии. Наше внимание обращено к воображению поэта, движению его мыслей и чувств. Здесь есть место и читательской интерпретации многозначия...

РЕСУРСЫ

7	Двуязычие повестей Белкина	Для решения задачи необходимо глубоко изучить вопрос о жанровом своеобразии «Повестей Белкина»: сравнить источники современного литературоведения, точку зрения формальной школы литературоведения и марксистско-ленинской, уточнить логику сюжета романтической повести, сопоставить её с логикой «болдинских побасенок Пушкина»; при этом возникнет вопрос о притче и анекдоте как о жанрах, о пародии и её проявлениях в «Повестях Белкина». Сопоставительный анализ сюжетных линий (имеющихся и возможных) позволит выйти на обобщённые модели сюжетов различных литературных жанров. Возможен и дискуссионный характер занятия в момент сравнения выводов учеников с культурным образцом
8	«Вы поедете на бал?» (по роману «Евгений Онегин»)	Задача имеет метапредметный характер и может иметь продолжение в плане сопоставительного анализа картин бала в произведениях Грибоедова А.С., Лермонтова М.Ю., Толстого Л.Н. и других классиков русской литературы с целью определения культурных ценностей русского дворянства XIX века
9	Исповедь, отповедь или проповедь Онегина?	Для решения задачи необходимо провести сопоставительный анализ понятий «исповедь», «проповедь», «отповедь», подкрепив определения цитатами из текста романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина (гл. 4, строфы VII–XVIII). Неважно, каков будет ответ (литературоведы спорят), важно внимание к слову, к пушкинскому слову, в частности
10	Симметрия «Капитанской дочки»	Задача может быть решена после детального изучения повести «Капитанская дочка» и требует хорошего знания текста произведения, поэтому рекомендуем её решение на обобщающих уроках в том числе
11	Загадка «Памятника»	Решению задачи предшествует урок по истории создания стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», обращение к текстам Горация и Г.Р. Державина, тематически связанным со стихотворением Пушкина
12	Гений Пушкина	Акцент в решении задачи делается на понятии гения, феномене гениальности человека, гениальности Пушкина. Цель задачи — снять хрестоматийный налёт с имени поэта, дать возможность поразмышлять над загадкой гениальности поэта

Имя задачи: Родословная А.С. Пушкина

Автор: Лялько Н.В., учитель русского языка и литературы средней школы № 44 г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 6–9.

Тема: Биография А.С. Пушкина.

Профиль: Общеобразовательный.

Уровень: Общий.

Текст задачи. А.С. Пушкин с гордостью писал, что «происходит от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей». Для него история предков была историей русского народа. Но есть и знаменитые потомки поэта, героически защищавшие Отечество. Назовите имена знаменитых предков и потомков А.С. Пушкина. С чем связана историческая память о них?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с культурным образцом.

Возможные информационные источники

Web-сайты:

<http://www.lgz.ru/>

www.biografii.ru/

Книги:

Анненков П.В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2007.

Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории. М., 1969.

Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В. Пушкины. Родословная роспись. Л., 1932

Культурный образец

Манько А.В. «Бояр старинных я потомок...». Исторические сюжеты об А.С. Пушкине, его предках и потомках. М.: Просвещение, 2007.

<...>История старинного пушкинского рода тесно переплетена с историей нашего Отечества, и у поэта были все основания гордиться своими предками. «Я чрезвычайно дорожу именем моих предков, — писал Александр Сергеевич в 1831 году, — этим единственным наследством, доставшимся мне от них». В стихотворении «Моя родословная» он выразил свою гордость предками, своё отношение к истории пушкинского рода. Известный пушкинист С.Б. Веселовский в исследовании «Род и предки Пушкина в истории» писал: «род Ратши, из которого вышел Пушкин, по исторической значительности произошедших от него фамилий принадлежит к древнейшим русским родам». Сам поэт с гордостью писал, что происходит от предков, коих имя встречается на каждой странице истории нашей <...>

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно», — утверждал А.С. Пушкин, добавляя при этом: «Конечно, если есть достоинство личное...» Умение ценить деяния и подвиги предков, не забывать труженников Отечества — одна из главных обязанностей каждого гражданина. Эту святую заповедь Александр

РЕСУРСЫ

Сергеевич не только читил, но и выполнял, давая нам верный ориентир.

Действительно, многие страницы отечественной истории отмечены ратными подвигами предков поэта, начиная с битвы великого князя Александра Ярославича со шведами 15 июля 1240 года на реке Неве. Предки Александра Сергеевича участвовали в знаменитой Куликовской битве 1380 года, в Ливонской войне и походах Ивана IV. Речь идёт прежде всего о Петре Петровиче Головине — участнике штурма Казани, взятия Дерпта и Мариенбурга, воеводе города Нарвы. Семён Михайлович, один из предков поэта по прямой линии от одного из младших сыновей Григория Александровича Пушки, в 1567 году был вторым у знамени Новгородского ополчения против польских интервентов.

Позже, в начале XVII века, в войне против шведов отличился храбрый и энергичный Иван Михайлович Пушкин, воевода города Корела (в настоящее время — город Приозёрск Ленинградской области), имевший большой опыт в военном искусстве. Летом 1610 года, когда шведские войска под командованием Якова Делагарди осадили крепость Корелу, он умело руководил обороной. Н.М. Карамзин справедливо сравнивал подвиг защитников Корелы под руководством И.М. Пушкина с прославленной обороной Смоленска в 1609–1611 годах против польских интервентов.

Особенно отличились ратными подвигами предки Александра Сергеевича во второй половине XVII века и в царствование Петра I. Так, Пётр Петрович Пушкин участвовал в 1673–1681 годах в боевых действиях против турок и крымских татар и в 1689

году во втором крымском походе князя В.В. Голицына. На исходе XVII столетия одним из крупнейших сановников своего времени был Фёдор Алексеевич Головин, боярин, президент посольских дел, генерал-адмирал. Он пользовался особым доверием Петра I, первым в России получил звание генерал-фельдмаршала и первым удостоился ордена Святого Андрея Первозванного (в день его учреждения — 10 марта 1699 года). Одним из ближайших сподвижников Петра I был другой предок поэта — Иван Михайлович Головин, которого царь очень любил и брал с собой в Азовские походы 1695 и 1696 годов. Уже в чине генерал-майора Иван Михайлович участвовал в знаменитом Гангутском морском сражении (1714), а в 1721 году возглавил галерный флот России. Находившийся при русском дворе Ф.Х. Вебер в своих «Записках» отмечал, что «генерал-майор Головин очень любим царём за то, что во многих случаях доказал ему свою верность и храбрость». Иван Андреевич Чичерин, прапрадед Александра Сергеевича, вместе с братом и двумя племянниками был убит в Полтавской битве 1709 года. Дед поэта, Лев Александрович (1723–1790), ушёл в отставку в чине подполковника.

Ярким представителем Петровской и послепетровской эпох был любимец и сподвижник Петра I Абрам Петрович Ганнибал — один из предков поэта по линии матери. Особый интерес Александр Сергеевич проявлял к его старшему сыну — Ивану Абрамовичу Ганнибалу, выдающемуся военачальнику второй половины XVIII века. У будущего поэта состоялась одна-единственная встреча со своим дедом, Иваном Абрамовичем Ганни-

балом, — в 1800 году. Тогда годовалого мальчика привезли познакомиться со стариком, которому оставалось несколько месяцев жизни. Поэт ещё в лицейские годы часто простаивал в парке Царского Села напротив колонны в честь российских побед, на которой по указанию Екатерины II было выбито и имя Ивана Абрамовича Ганнибала. Александр Сергеевич Пушкин считал, что Иван Абрамович Ганнибал «принадлежит, бесспорно, к числу отличнейших людей екатерининского века», что он столь же достоин замечания, как и его отец.

У автора этой книги впервые интерес к пушкинской тематике проявился давно, ещё в начале 1960-х годов, когда, будучи студентом истфака МГУ, он готовил к защите дипломную работу о переселении болгар в Бессарабию в период русско-турецких войн 1828-1829 и 1877-1878 годов. Однажды, просматривая материалы фонда Дунайской армии в Центральном государственном военно-историческом архиве, обнаружил в нём любопытный документ — «послужной список генерала от инфантерии Александра Александровича Пушкина». Прочитав пожелтевший от времени листок, узнал, что старший сын поэта за храбрость, проявленную в Освободительной русско-турецкой войне 1877–1878 годов, был награждён Золотым оружием.

Несмотря на то, что об Освободительной войне России против Османской империи написано много книг, брошюр и статей, широкой читательской аудитории долгое время не было известно, что одним из героев Балканской кампании являлся старший сын Александра Сергеевича

Пушкина. Этот важный сюжет из биографии командира 13-го Нарвского гусарского полка полковника Александра Александровича Пушкина был обстоятельно изложен в небольшой книге автора «Сын Пушкина», опубликованной в 1988 году военным издательством в Софии.

Материалы московских архивов свидетельствуют, что старший сын поэта был не только великолепным знатоком военного дела, человеком высокой культуры, но и внёс большой вклад в пушкиноведение, за что мы, современники, ему обязаны. Более того, после ухода из армии в отставку Александр Александрович Пушкин принимал активное участие в общественной жизни Москвы, в развитии женского образования.

Из четверых детей А.С. Пушкина необычной оказалась биография его младшей дочери — графини Натальи Александровны Меренберг, которая явилась основоположницей заграничной ветви потомков поэта.

<...> Каждое новое поколение находит для себя в биографии и произведениях А.С. Пушкина что-то близкое, наиболее важное, ценное, потому что всё творчество поэта обращено в будущее. И для нас, россиян начала XXI столетия, его творчество — неисчерпаемый источник духовного обогащения, формирования высокой нравственности, гордости за отечественную культуру.

Имя задачи: Детство Пушкина

Автор: Лялько Н.В., учитель русского языка и литературы средней школы № 44 г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 6–9.

Тема: Биография А.С. Пушкина.

Профиль: Общеобразовательный.

Уровень: Общий.

Текст задачи. Сестра А.С. Пушкина, Ольга, в замужестве Павлицева, вспоминала, что родители поощряли в детях страсть к чтению, что отец мастерски им читал Мольера. Лицейский друг поэта, И.И. Пущин, вспоминал, что Александр был начитан несравненно лучше одноклассников, а ведь это были в своём большинстве далеко не рядовые отроки, хорошо обученные и талантливые в различных областях: «Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочёл, о чём мы и не слышали; всё, что читал, помнил...». Однако, существует авторитетное мнение о том, что А.С. Пушкин был нелюбимым сыном в семье, что он не получил должного домашнего образования до поступления в Лицей. Двенадцатилетним мальчиком Пушкин «легко покинул стены родного дома и ни разу в стихах не упомянул ни матери, ни отца». Откуда же в нём равнодушие к судьбе брата Лёвушки, стремление к созданию атмосферы любви в собственной семье? Прав ли известный учёный Ю. Лотман, утверждавший, что Пушкин — это человек без детства?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с культурным образцом.

Возможные информационные источники

Книги:

Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2 т. Т.1. М.: Правда, 1986.

Лотман Ю. Пушкин. СПб.: Искусство, 1995.

Тынянов Ю. Пушкин. М.: Художественная литература, 1987.

Культурный образец

www.proza.ru

Елена Николаевна Егорова. *Детство Пушкина. Мифы и реальность (Доклад на XVI Пушкинской конференции «Пушкин в Подмоскowie и Москве» 1 октября 2011 г. в Государственном историко-литературном музее-заповеднике А.С. Пушкина, с. Большие Вязёмы Одинцовского р-на Московской обл.)*

Пушкиноведы долгое время почти не уделяли должного внимания изучению детского периода жизни А.С. Пушкина, столь важного для становления его творческой личности. Вот, например, что писал Ю.М. Лотман в биографии великого поэта: «Наиболее разительной чертой пушкинского детства следует признать то, как мало и редко он вспоминал эти годы в дальнейшем. <...> Пушкин легко покинул стены родного дома и ни разу в стихах не упомянул ни матери, ни отца. <...> Тем более бросается в глаза, что, когда в дальнейшем Пушкин хотел оглянуться на начало своей жизни, он неизменно вспоминал только Лицей — детство он вычеркнул из своей жизни. Он был человек без детства». На такое отношение

ориентировались и школьные учебники, где в биографии упоминался только факт рождения, некоторые данные о происхождении родителей и составе семьи, после чего сразу следовали события лицейского периода.

Исследования последних лет полностью опровергают мнение Лотмана, чему ярким примером являются материалы Пушкинских конференций и Голицынских чтений, проводимых в Государственном историко-литературном музее-заповеднике А.С. Пушкина в с. Большие Вязёмы. Тем не менее, в школах, за исключением отдельных специализированных гимназий и классов, по-прежнему почти не изучается детство великого поэта. А ведь именно этот период жизни гения особенно интересен детям. Переиздаваемые значительными тиражами книги авторитетных пушкиноведов советского периода и теперь поддерживают неверные стереотипы (своего рода мифы), сложившиеся в сознании массового читателя и мешающие правильному восприятию биографии и истоков творчества А.С. Пушкина.

Эту тему одним из первых в 1989 году поднял известный поэт и детский автор Валентин Берестов в популярной работе «Ранняя любовь Пушкина», где дал совершенно иную картину его детства и показал, что «весна жизни поэта и впрямь была «золотой». К сожалению, работа Берестова осталась малоизвестной и не развеяла мифы о несчастливом пушкинском детстве, на сегодняшний день уже изжитые пушкиноведением. Выделим самые распространённые из них, за исключением утверждения, что поэт почти никак не отразил детские впечатления в своём творчест-

ве. Примеров такого отражения предостаточно в последних публикациях, в первую очередь, в материалах научных конференций, проводимых в Больших Вязёмах.

О родителях и нелюбимом сыне

Этот стереотип, на наш взгляд, является самым вредным, искажающим суть событий детского периода жизни Пушкина. Вот что писал Ю.М. Лотман: «Пушкины были весьма небогаты. Бесхозьяственные и недомовитые, они всю жизнь находились на грани разорения, в дальнейшем неизменно урезали материальную помощь сыну, а в последние годы его жизни и обременяли поэта своими долгами. У Сергея Львовича барская безалаберность сочеталась с болезненной скупостью. Друг А.С. Пушкина П.А. Вяземский сохранил в своих записках сценку: «Вообще он был очень скуп и на себя, и на всех домашних. Сын его Лев за обедом у него разбил рюмку. Отец вспылил и целый обед проворчал. «Можно ли (сказал Лев) так долго сетовать о рюмке, которая стоит двадцать копеек?» — «Извините, сударь (с чувством возразил отец), не двадцать, а тридцать пять копеек».

Семья принадлежала к образованной части московского общества. Дядя Пушкина Василий Львович Пушкин был известным поэтом, в доме бывали московские литераторы. Ещё ребёнком Пушкин увидел Карамзина, тогдашнего главу молодой русской литературы, слушал разговоры на литературные темы.

«Воспитание детей, которому родители не придавали большого

РЕСУРСЫ

значения, было беспорядочным. Из домашнего обучения Пушкин вынес лишь прекрасное знание французского языка, а в отцовской библиотеке пристрастился к чтению (тоже на французском языке)». Прочитанный отрывок представляет собой основную часть повествования Лотмана о детстве поэта. Из него можно вынести впечатление, будто в доме Пушкиных хозяйство велось кое-как, родители воспитанию и образованию детей должного внимания не уделяли, а самую значимую роль в становлении мировоззрения юного Пушкина сыграли дядя В.Л. Пушкин и Н.М. Карамзин. Первая часть этого впечатления главенствует в массовом сознании, а роль главной воспитательницы переносится не на дядю, а на няню Арину Родионовну, поскольку с младших классов в школе изучаются сказки Пушкина, ассоциирующиеся с няней, и посвящённые ей прекрасные стихи.

Юрию Лотману вторит Юрий Тынянов в своей книге «Пушкин», первая часть которой посвящена детству и начинается так: «Майор был скуп. Вздохнув, он заперся у себя в комнате и тайком пересчитал деньги. Вспомнив, что ещё в гвардии остался ему должен товарищ сто двадцать рублей, он огорчился. Шикнув на запевшую не вовремя канарейку, переоделся, покрасовался перед зеркалом, обдёрнулся, взял трость и, выбежав в сени, сухо сказал казачку:

— Собирайся. Да надень что-нибудь почище. <...>

Выйдя на бульвар, он преобразился. В голубом галстуке, под цвет глаз, опираясь на лёгкую трость, он косил по сторонам и шёл медленно, обмахиваясь шёлковым платком, как

бы лова полуоткрытым ртом прохладу бульвара...»

Моё личное впечатление после чтения в отрочестве этой части книги Тынянова было очень неприятным: родители скарёдные и самовлюблённые, детьми почти не занимаются, ведут себя грубовато, особенно в обращении с крепостными, даже такими близкими домочадцами, как няня (не только они называют её Аришкой, но и она себя сама), отец флиртует с дамами и т.п. А об отроке-Пушкине написано вот что: «В двенадцать лет, в своём наряде, сшитом домашним портным, с острыми локтями, он казался чужим в своей семье. Как затравленный волчонок, поблёскивая глазами, он шёл к утреннему завтраку и с принуждением целовал у матери руку. Ему доставляло радость превратно толковать смысл родительских разговоров. В двенадцать лет он беспощадно судил своих родителей холодным, отроческим судом и осудил их». Непонятно, как вообще в такой семье мог вырасти гений. Да и само повествование Тынянова посвящено больше не детям из семьи Пушкиных, а взрослым и их проблемам. Вышло, что дети — это так, «с боку припёка». Вполне естественно, что я в свои 12–13 лет не акцентировала внимания на части «Детство», быстро «пробежала» её глазами и перешла к лицейским годам, повествование о которых показалось куда более интересным.

Если не предвзято читать заметки и письма самого Пушкина и воспоминания современников, знавших его в детстве, картина вырисовывается иная. В неосуществлённом «Первом плане записок» (автобиографических) великий поэт отвёл

весьма значительное место своим родителям, их родственникам и предкам. Он предполагал начать с описания семьи отца Сергея Львовича, его воспитания и образования, а потом поступления в гвардию вместе дядей Василием Львовичем. Собирался Пушкин написать о своей бабушке Марии Алексеевне Ганнибал и даже о прабабушке Сарре Юрьевне Пушкиной, которые воспитывали его мать Надежду Осиповну, о её крёстном отце Иване Абрамовиче Ганнибале (своём двоюродном деде) и устроенной им свадьбе родителей, о рождении сестры Ольги, переезде семьи в Москву, выходе отца в отставку и, наконец, о своём рождении.

Важно, что родители поэта пожелали по любви, что в целом в их доме царило согласие. Во всяком случае, о каких-либо серьёзных ссорах между ними и изменах никто из мемуаристов не упоминает. Вместе родители прожили около 40 лет вплоть до смерти Надежды Осиповны в 1836 году. Будучи весьма пожилым человеком, Сергей Львович называл жену в письмах своим добрым гением. Отец, его братья и сёстры были людьми семейственными, полюбовно разделили доставшееся им наследство, заботились друг о друге, поддерживали в трудных обстоятельствах. Словом, семья Пушкиных была дружной и вполне благополучной.

Неудивительно, что великий поэт сам впоследствии стал хорошим семьянином: поддерживал сестру и брата (за которого платил долги), заботился о жене и о своих маленьких детях (последнее вовсе не типично для его времени: мужчины малышами до 4-5 лет почти не интересовались).

Сестра Ольга, в замужестве Павлицева, вспоминала, что родители поощряли в детях страсть к чтению, что отец мастерски им читал Мольера. Кроме того, он, будучи человеком раздражительным, но отходчивым, выходил из себя, слушая жалобы гувернёров и гувернанток, и дети его побаивались. Выходит, Сергей Львович всё-таки был далеко не безразличен к воспитанию детей и принимал в нём прямое участие.

Его скупость стала притчей во языцех, но соответствует ли эта черта действительности? На наш взгляд, в период детства поэта его отца можно назвать скорее бережливым. Средства семьи были всегда ограничены, тем не менее, платные учителя к детям нанимались по рекомендациям родных и знакомых едва ли не лучшие. Таковыми были Монфор, Руссло, священник А.И. Беликов (преподававший русский язык), впоследствии автор и переводчик ряда книг. Перед поступлением в Лицей занимался с Александром также дядя Василий Львович. Так что домашнее долицейское образование, полученное Пушкиным, было вовсе не беспорядочным, ведь при поступлении на испытания он показал весьма достойные результаты, особенно по русскому, французскому языкам и «общим свойствам веществам», да и знания по трудно дававшейся ему арифметике, а также истории и географии, были сочтены комиссией удовлетворяющими необходимым требованиям. И.И. Пущин вспоминал, что Александр был начитан несравненно лучше однокашников, а ведь это были в своём большинстве далеко не рядовые отроки, хорошо обученные и талантливые в различных областях: «Все мы видели, что Пушкин нас

РЕСУРСЫ

опередил, многое прочёл, о чём мы и не слышали, всё, что читал, помнил...». Учился в детстве Пушкин также рисованию, танцам (у знаменитого Иогеля) и верховой езде.

Сергей Львович вовсе не был таким трутнем, занятым только светским времяпрепровождением. С января 1802 года он служил в Московской Комиссариатской комиссии «по казначейству», т.е. был, говоря современным языком, квалифицированным бухгалтером. Дослужился он до довольно высокого чина статского советника и вышел в отставку в 1817 году. Для человека, столько лет занимавшегося бухгалтерией, конечно, имело значение, 20 или 35 копеек стоит разбитая рюмка, особенно в пожилом возрасте, когда черты характера обостряются. Надо отметить, что жалование Сергея Львовича (около 1000 рублей в год) было неплохим подспорьем. Такая сумма как раз уходила у Пушкиных на аренду жилья в Москве. Не скупость, а бережливость главы семьи помогала сводить концы с концами. Нетрудно представить, каким было бы детство поэта, имей он отца-мота. Позднее, уже в Петербурге после окончания Лицея, у молодого Пушкина были ссоры с отцом из-за денег. Но, скорее всего, тогда прав был Сергей Львович: поэту платили жалование, достаточное на личные расходы при условии, что в родительском доме обеспечивался кров и стол.

Конечно, занималась воспитанием детей и мать. По воспоминаниям Ольги Павлищевой, не только лично продиктованным ею, но переданным её сыном Л.Н. Павлищевым с её слов, Надежда Осиповна была строгой и выдержанной, крайне редко выходи-

ла из себя. Детей в семье битьём не наказывала. Среди методов наказания современниками упоминаются сидения в углу, отгороженном стульями, пришивание носовых платочков к курточке в виде аксельбанта (чтобы сын их не терял), игра в молчанку и т.п. Со слов Ольги записано, что мать до рождения Лёвушки оказывала предпочтение ей, а потом младшему брату, что, конечно, непедагогично. Отчасти это объяснялось тем, что Пушкин в раннем детстве был полным и неуклюжим, необщительным. По воспоминаниям сестры Ольги, «до шестилетнего возраста Александр Сергеевич не обнаруживал ничего особенного; напротив, своею неповоротливостью, происходившею от тучности тела, и всегдашнюю молчаливостью приводил иногда мать в отчаяние. Она почти насильно водила его гулять и заставляла бегать, отчего он охотнее оставался с бабушкой Марьей Алексеевной, залезал в её корзину и смотрел, как она занималась рукодельем». Будущий великий поэт рос очень нестандартным ребёнком (порой неряшливым и ленивым), родителям его непросто было понять. Сочиняя стихи, он нередко пренебрегал уроками.

Однако нельзя сказать, что мать своего сына Александра не любила. Надежда Осиповна любила всех своих детей, а пятерых умерших в детстве и младенчестве (Николая, Софью, Павла, Михаила и Платона), судя по письмам к дочери Ольге, помнила и скорбела о них до конца своей жизни. Потерей всех младших детей, родившихся после 1805 года, во многом объясняется её особая привязанность к последнему выжившему ребёнку — Лёвушке.

Любимчиком и баловнем родителей Александр не был, и это хорошо. Мать была с ним строга, но по-своему любила. Когда в начале 1811 года встала проблема выбора учебного заведения для старшего сына, Надежда Осиповна, совсем недавно похоронившая двух младенцев и находящаяся на небольшом сроке новой беременности, всё же предприняла вместе с мужем нелёгкую в те времена поездку в Петербург, чтобы лично принять участие в решении этого важного вопроса. Судьба сына ей была далеко не безразлична.

В «Первом плане заметок» Пушкин несколько раз упоминает пережитые им в детстве неприятности, но, в основном, рядом с именами гувернанток и гувернёра Руссло, а также с горестным событием — смертью младшего брата Николеньки: «Первые впечатления. Юсупов сад. — Землетрясения. — Няня. Отъезд матери в деревню. — Первые неприятности. — Гувернантки. Ранняя любовь. — Рождение Льва. — Мои неприятные воспоминания. — Смерть Николая. — Монфор — Русло — Кат. П. и Ан. Ив. — Нестерпимое состояние. — Охота к чтению...». Запись «Нестерпимое состояние», скорее всего, связана с издевательствами гувернёра над ранней поэмой мальчика-Пушкина, которую он сжёг в порыве обиды. Имена гувернанток Екатерины Петровны и Анны Ивановны (вероятно, немецкого происхождения), может быть, и не связаны с этим печальным происшествием. Просто поэт собирался что-то о них написать, как и о других своих воспитателях.

Родители Пушкина действительно не любили заниматься хозяйством, но в детские годы поэт от этого

не страдал: дом вела его опытная бабушка Мария Алексеевна Ганнибал, о которой будет сказано ниже.

Надежда Осиповна и Сергей Львович являлись людьми образованными, очень интересовались литературой и искусством, их дом посещал цвет московской интеллигенции начала XIX века. Сергей Львович и сам писал стихи, но предназначенные не для печати, а больше для дамских альбомов. И он, и его жена были умны, начитаны и остроумны. Родители поощряли участие детей в вечерах, проводившихся в их доме, едва ли не с младенческого возраста, водили их на такие же вечера к своим столь же образованным друзьям, а позднее в московские театры и на гуляния. Разговоры взрослых на темы искусства, истории, изредка политики, домашние спектакли, декламация стихов, — всё это тоже воспитывало и способствовало раннему пробуждению творческих способностей будущего поэта, который начал писать стихи с шести лет, а пьесы, которые он разыгрывал перед сестрой, с 7–8 лет. К 1809–1810 годам относятся воспоминания Ольги о большой поэме «Толиада», той самой, которую маленький поэт бросил в печь, не выдержав издевательств гувернёра над своим произведением. По одним сведениям, это был Шедель, по другим (на наш взгляд, более правдоподобным), Руссло.

Отметим также, что воспитывала поэта вся атмосфера дома Пушкиных (включая не только родителей и бабушку, но и домочадцев из простого народа) и, если брать широко, весь уклад московской и подмосковной жизни. Напомним крылатые слова П.А. Вяземского из очерка «Допотоп-

ная или допожарная Москва» (1866): «Пушкин был также родовой москвич. Нет сомнения, что первым зародышем дарования своего, кроме благодати свыше, обязан он был окружающей его атмосфере, благоприятно проникнутой тогдашней московской жизнью. Отец его Сергей Львович был в приятельских сношениях с Карамзиным и Дмитриевым и сам, по тогдашнему обычаю, получил если не учёное, то, по крайней мере, литературное образование. Дядя Александра, Василий Львович, сам был поэт или, пожалуй, любезный стихотворец... Вся эта обстановка должна была благотворно действовать на отрока».

Об «исчезнувшей» бабушке

Мифа о бабушке как такового нет, поскольку о её роли в воспитании будущего гения читатели в своём большинстве не знают. У Лотмана о ней совсем ничего нет в описании детства поэта, а Тынянов хоть и ввёл М.А. Ганнибал в своё повествование, но не отвёл ей практически никакой роли в воспитании внуков. Между тем, в воспоминаниях Ольги Павлицевой о ней сказано очень хорошо: «Замечательна по своему влиянию на детство и первое воспитание Александра Сергеевича и сестры была их бабушка Марья Алексеевна. <...> Марья Алексеевна была ума светлого и по своему времени образованного; говорила и писала прекрасным русским языком, которым так восхищался друг Александра Сергеевича, барон Дельви́г». Упоминает Ольга и о том, что бабушка любила рассказывать ей и братьям о своём роде, что именно она выучила их русской гра-

моте и письму, т.е. фактически была их первой учительницей.

Большая роль бабушки в воспитании внуков подтверждается и воспоминанием приятельницы М.А. Ганнибал — московской барыни Елизаветы Петровны Янковой: «Пушкины жили весело и открыто, и всем домом заведовала больше старуха Ганнибал, очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела дом вести как следует, и она также больше занималась и детьми: принимала к ним мамзелей и учителей и сама учила. Старший внук её Саша был большой увалень и дикарь, кудрявый мальчик лет девяти или десяти, со смуглым личиком, не скажу, чтобы слишком приглядным, но с очень живыми глазами, из которых искры так и сыпались». Какой яркий контраст с описанием отрока Пушкина у Тынянова.

Важно и другое обстоятельство: бабушка не только вела хозяйство в доме своей единственной дочери, воспитывала внуков, некоторых из них крестила (Софью, Павла, Михаила, к сожалению, умерших в младенчестве), она помогала и материально. Именно М.А. Ганнибал купила подмосковное сельцо Захарово, где с 1805 по 1810 год летом, а иногда и зимой, жила вся семья Пушкиных и детям было так хорошо, вольготно и интересно. Для нас важно, что всю свою жизнь М.А. Ганнибал посвятила воспитанию дочери, племянника и крестника Александра Юрьевича Пушкина, в честь которого назвали великого поэта, внуков. Она, урождённая Пушкина, тоже была семейственным человеком, поддерживала родню и дорожила родственными связями.

Юный Пушкин любил свою бабушку и скорбел о её смерти в 1818 году. По мнению исследователей, ей он посвятил стихи «Наперсница волшебной старины...» и «Сон», где её облик сливается с образом няни.

Таким образом, бабушка М.А. Ганнибал оказала большое влияние на воспитание А.С. Пушкина, и её роль должна быть справедливо оценена широким кругом читателей.

О няне Арине Родионовне

Арина Родионовна Яковлева, или по мужу Матвеева, стала по-настоящему легендарной русской няней. Пушкин её очень любил и посвятил ей несколько прекрасных известнейших стихотворений. Благодаря этому в сознании массового читателя с детства укоренился стереотип, что няня была едва ли не главной и единственной воспитательницей великого поэта. Во всяком случае, дети воспринимают её именно так, почти ничего не зная о родителях и бабушке Пушкина. С другой стороны, нам приходилось встречаться и с противоположным мнением, что Арина Родионовна не играла никакой значительной роли в воспитании поэта в детстве, и с нею он стал накоротке только во время и после ссылки в Михайловском.

Оба этих утверждения неправильны. Обратимся снова к записи воспоминаний Ольги Павлицевой: «Няня сестры Арина Родионовна, воспетая поэтом, сделалась нянею для брата, хотя за ним ходила другая, по имени Улиана. <...> Между тем родился Лев Сергеевич, и Арине Родионовне поручено было ходить за ним: так она сделалась общею нянею. <...>

Была она настоящею представительницею русских нянь; мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками. Александр Сергеевич, любивший её с детства, оценил её вполне в то время, как жил в ссылке, в Михайловском».

В середине 1820-х годов в Михайловском великий поэт снова слушал сказки Арины Родионовны и сделал конспективные записи нескольких из них. Потом он отчасти использовал нянины сюжеты при сочинении своих сказок («Сказка о царе Салтане», «Сказка о попе и работнике его Балде», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о мёртвой царевне...»), а один из сюжетов сообщил В.А. Жуковскому, сочинившему «Сказку о царе Берендее...» на его основе.

Знал А.С. Пушкин и детей Арины Родионовны: дочь Марью, сыновей Егора и Степана, молочного брата Ольги, который вполне мог быть товарищем его детских игр. Особенно любил маленький Пушкин Марью. В зрелом возрасте он навестил её в Захарове в 1830 году, да и она бывала у поэта в Москве вскоре после его женитьбы.

Ольга упоминала также первую няню Пушкина Ульяну. Судя по церковным документам, в доме Пушкиных была единственная крепостная подходящего возраста с таким именем — Ульяна Яковлева. В год рождения А.С. Пушкина ей было около 30 лет, и по этому возрасту можно предположить, что она же и кормилица великого поэта, подобно тому, как Арина Родионовна — кормилица Ольги. Именно с Ульяной связан эпизод встречи годовалого Пушкина с Павлом I в Юсуповском саду в Петербурге, когда император выговорил

няне за то, что она не сняла с малыша картуз. Скорее всего, Ульяна гуляла с трёхлетним Александром в московском Юсуповом саду во время землетрясения в октябре 1802 года, которое ребёнок запомнил.

Первая няня сыграла пусть и небольшую, но немаловажную роль в самом начале жизни А.С. Пушкина, и об этом не надо забывать. Она ходила за маленьким Сашей до четырёх-пяти лет, а потом жила в доме Пушкиных до своей кончины в мае 1811 года, будучи уже вдовой, как следует из исповедальных ведомостей приходских церквей. За это время Ульяна вполне могла стать няней кого-то из младших детей Н.О. и С.Л. Пушкиных: Софьи или (что менее вероятно) Павла, умерших в младенчестве. После няни Ульяны за Александром смотрел дядька Никита Тимофеевич Козлов, грамотный дворовый мужик, который был сказителем, как и Арина Родионовна. Одна из его тетрадей с балладой, сочинённой на основе сказок о Соловье-разбойнике, богатыре Еруслане Лазаревиче и царевне Миликтрисе, хранилась в семье Ольги Сергеевны Павлицевой и была утеряна в 1851 году при её переезде в Варшаву.

Итак, миф о главной роли няни Арины Родионовны в воспитании Пушкина не соответствует реальности. Ей как бы «приписали заслуги» и бабушки, и родителей, и первой няни Ульяны, и дядьки Никиты. Роль Арины Родионовны и без того несомненна и значительна.

О духовном воспитании

В главе о детстве Пушкина Ю.Н. Тынянов ни разу не употребляет даже

слов «церковь», «храм» по отношению к семье Пушкиных и только единожды упоминает храмовый праздник, на который нарядились дворовые девушки. Правда, по ходу сюжета несколько раз крестится няня Арина Родионовна, тётушка Анна Львовна, старый князь Вяземский, а в связи с крестинами упоминается подаренный дедом золотой крестик. Ю.М. Лотман тоже совершенно обошёл стороной религиозную сторону воспитания Пушкина. Это неудивительно, поскольку в советское время, когда написаны книги, действовала жёсткая атеистическая цензура. Однако какой бы ни являлась причина такого представления событий, она породила миф о безверии великого поэта.

В реальности религиозная сторона воспитания была естественна в начале XIX века и очень важна для формирования мировоззрения Пушкина, отнюдь не атеистического. Напротив, из воспоминаний современников явствует, что все близкие поэта были людьми верующими: отец, мать, сестра, брат, бабушки, няня, дядька, дворня... Мемуаристы отмечают даже мистическую настроенность матери и сестры, их необычные видения и сны, а иногда и предвидения, сохранившиеся в семейных преданиях. Вера же отца, бабушки, няни и самого великого поэта тяготела к традиционному православию. Лишь в молодости, в начале 1820-х годов, у Пушкина был небольшой период сомнений (а точнее, духовных исканий), когда он написал поэму «Гаврилиада», о чём потом сожалел и всячески отрекся от своего сочинения. А в Одессе в 1824 году молодой поэт брал «уроки чистого афеизма» у анг-

личанина Гетчинсона, который, однако, вскоре сам изменил своё мировоззрение и стал... пастором.

Архивные документы, опубликованные в 2007 году в авторитетном издании «Александр Сергеевич Пушкин. Документы к биографии. 1799-1829», ярко подтверждают вполне религиозное воспитание поэта. Более того, значительная часть мест проживания Пушкиных в Москве была определена именно по церковным книгам приходов, где находились дома, которые они снимали. Пушкины и их дворня регулярно ходили на церковные службы, исповедались и причащались, что зафиксировано исповедальными ведомостями. Воспоминания современников подтверждают, что это было, разумеется, не пустой формальностью. Сохранились также документы времён детства Сергея и Василия Львовичей Пушкиных, свидетельствующие о том же самом. Дом в Москве на Молчановке, откуда будущий поэт отправился в Петербург поступать в Лицей, принадлежал священнику приходской церкви Василию Иванову. Церковные ведомости также позволили установить многие даты рождений и крещений детей в семье Пушкиных и их служителей, а также даты смертей и отпеваний.

Заметим, что среди учителей отца Пушкина было два очень образованных священника, выпускники Московской духовной академии: Алексей Иванович Богданов и Александр Иванович Беликов. Они преподавали юному поэту и его сестре не только Закон Божий, но и русский язык и арифметику.

Религиозным фанатиком А.С. Пушкин не стал ни в детстве, ни в

зрелости, но он был, безусловно, человеком верующим, чему во многом способствовало воспитание, полученное им в детстве.

Резюме

Итак, вопреки сложившимся в массовом сознании стереотипам о детстве Пушкина, реальные события его жизни свидетельствуют о следующем.

- Семья, в которой он рос, была благополучной. Родители С.Л. и Н.О. Пушкины любили друг друга и занимались воспитанием своего сына Александра (хотя он не был их баловнем) и других своих детей; дали им вместе с бабушкой М.А. Ганнибал и дядей В.Л. Пушкиным хорошее домашнее образование, сформировали и поощряли их пристрастие к чтению, к литературе и искусству. С самых малых лет дети участвовали в вечерах, устраиваемых родителями и их друзьями, в московских гуляниях, посещали театры.

- Большую роль в воспитании и начальном образовании А.С. Пушкина сыграла его бабушка М.А. Ганнибал.

- Няня Арина Родионовна Яковлева внесла значительный вклад в воспитание будущего поэта в детстве, но не главный и не определяющий.

- Свою лепту в воспитание внесли также первая няня великого поэта Ульяна Яковлева (вероятно, его кормилица) и дядька Никита Козлов.

- Воспитание А.С. Пушкина было традиционно религиозным, что существенно повлияло на формирование его мировоззрения в детстве и в зрелости.

Имя задачи:
Феномен
Царскосельского лицея

Автор: Лялько Н.В., учитель русского языка и литературы средней школы № 44 г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 9.

Тема: Лицейские годы в жизни А.С. Пушкина.

Профиль: Общеобразовательный.

Уровень: Общий.

Текст задачи. Открывшийся 19 октября 1811 года Царскосельский (с 1843 года — Александровский) лицей — alma mater А.С. Пушкина — замышлялся как закрытое учебное заведение для дворян, готовящихся к государственной службе. Общие положения Устава позволили бы сделать из лицея реакционную школу будущих карьеристов и бездушных чиновников. На деле получилось обратное: уже первый выпуск дал России образованнейших людей своего времени, патриотов России.

Назовите имена известных выпускников Царскосельского лицея первого набора. Чем они знамениты? В чём состоит уникальность учебного заведения, способствовавшего формированию таких выдающихся личностей?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с культурным образцом.

Возможные
информационные источники

Книги:

Авенариус В.П. Пушкин. Биографическая диалогия. М.: Книговек, 2012.

Басина М. В садах лицея. Л.: Детская литература, 1988.

Тынянов Ю.Н. Пушкин. М.: Художественная литература, 1987.

Культурный образец

Жизнь Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники. В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1986.

<...> Расплывчатые общие положения Устава позволили бы сделать из лицея реакционную школу будущих карьеристов и бездушных чиновников. Но, к счастью, многое зависит от исполнителей инструкций, а не от их буквы. Между тем, бразды правления лицеем были вверены человеку одарённому, совестливому и умному — Василию Фёдоровичу Малиновскому. Это определило отчасти, по крайней мере, состав преподавателей. Среди наставников были люди образованные, чуждые казёнщине и зубрёжке, одержимые идеей свободы мысли и истинной любовью к отечеству. В отчёте о первом году обучения они с гордостью говорили о своих методах, когда каждая «истина математического или нравственного содержания предлагалась воспитанникам так, чтобы возбудить самостоятельность их ума и жажду дальнейшего познания, а всё пышное, высокопарное, школьное совершенно удаляемо было от их познания и слуха». Возможно, это преувеличе-

ние, если говорить о всех педагогах, но некоторые вели занятия именно так... Мы расскажем об учителях Пушкина, сыгравших важнейшую роль в формировании его личности. Может быть, роль эта не всегда легко уловима, но поистине юный лицейский Пушкин был как губка, готовая впитать всю вселенную впечатлений, и роль учителей в его развитии неоценима. Он ведь и сам призвал к доброй памяти:

Наставникам, хранившим юность
нашу,
Всем честию, и мёртвым, и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Начнём с первого директора, тем более, что даже в 1950 годах биографы Пушкина склонны были отзываться о нём весьма скептически. А ведь когда Пушкин сказал «и мёртвым», он прежде всего имел в виду Малиновского (правда, в 1836 г. — и Кошанского).

Василий Фёдорович Малиновский (1765–1840). Происходил Малиновский из духовного звания. Отец его, протоиерей Фёдор Авксентьевич служил при московском университете. Семья Малиновских имела старинные связи с семьёю Пушкиных. Один из братьев В.Ф. Малиновского был свидетелем на свадьбе родителей поэта. Василий Фёдорович закончил университет по философскому факультету, который включал тогда в программу не только собственно философию, но и естественные науки. Превосходно изучил он языки, в том числе греческий, древнееврейский, латынь, не говоря уже о новых

европейских. Первым, кто повлиял на формирование общественных взглядов Малиновского, был знаменитый русский просветитель, книгоиздатель Н.И. Новиков.

Борьба против деспотизма, за просвещённое правление, с юных лет стала любимой мыслью Малиновского. Изучив английский, он получил назначение в штат русской миссии в Англии. Два года, прошедшие в этой стране, запомнились, видно, надолго, поскольку даже в лицее Малиновский любил рассказывать о быте и нравах британцев. В 1791 году он женился на Софье Андреевне Самборской — дочери образованного и патриотически настроенного священника, от которой имел трёх дочерей и трёх сыновей. Едва возвратившись в Россию, был направлен на конгресс в Яссы, завершивший русско-турецкую войну, где, пользуясь своим отличным знанием турецкого языка, служил переводчиком. <...> В 1800 году был назначен консулом в Молдавию. Он исполнял эту должность так совестливо и так полезно, что молдаване его любили и уважали. <...> Возвратившись к московской кабинетной жизни в 1802 г., Малиновский издавал журнал «Осенние Вечера», в котором напечатал свои статьи «О войне», «Любовь к России», «История России», «Своя сторона», кроме того, он выпустил в свет под инициалами В.М. начатые в Ричмонде «Рассуждения о войне и мире» — страстный пацифистский призыв. В 1802 г. Малиновский обратился к канцлеру Кочубею с проектом «Об освобождении рабов».

<...>

В Москве Малиновский был деятелем в Филантропическом комите-

те — он бесплатно директорствовал в доме трудолюбия, давшем приют 30 девицам бедного состояния. В этой скромной должности и в материальной нужде застало его в 1809 году известие об открытии в Царском Селе лицея для знатнейших дворян (всё это потом несколько изменилось: «знатных» в лицее собралось лишь несколько человек). В июне 1811 г. Василий Фёдорович получил официальное назначение и выехал к месту службы. К этому времени у него был, как мы теперь говорим, почти тридцатилетний стаж чиновничьей, педагогической и литературной работы. Он выбрал сослуживцев (важнейшая заслуга!) и приступил к перестройке дворцового флигеля, отведённого под лицей, закупке утвари и т.п.

<...> Малиновский был личностью обаятельнейшей: ни чужих речей не умел читать; ни перед царём заискивать, а умел поставить порученное дело так, что за полтора века слава лицея не померкла. Ещё разрабатывая устав, Малиновский добился, чтобы строго-настрого запретили в лицее телесные наказания. Это совершенно необычное для той поры установление было внесено в устав. Впоследствии Николай I ввёл порку и для воспитанников лицея — «в виде исключения», конечно.

Малиновский был для лицейских первого набора отцом родным — без малейшего преувеличения. Он не бранил, не наказывал, не пугал — он ласково журил виноватого. Он не насилывал зубрёжкой и не угрожал мерами — он выявлял способности и не «давил», если таковых не оказывалось. В его записной книжке под

заголовком «О неустрашимости в бедах и твёрдости духа» значит: решимость разумного человека ни сколь не поколеблется от страха, что бы ни произошло». На другом листке он формулирует свой этический принцип: «Войну объявить лицемерию. Ценить выше малое внутреннее добро против великого наружного — даже уничтожить сие как полушку против фальшивой серебряной гривны, и пятак медный выше фальшивого рубля и червонца». Строже всего в лицее он относился к своему сыну — Ивану и всегда готов был отстаивать правоту товарищей перед ним.

Разве только в записной книжке, которую вёл для одного себя, он мог поместить суждение о воспитанниках, не слишком лестное (о Пушкине, например). А в общении с ними он был мягок и ласков, навсегда запечатлев след добра в душе Пушкина. Даже слово «повеса», мелькающее в записях Малиновского о Пушкине, не стоит понимать как осуждение.

<...> **Александр Петрович Куницын (1783–1840)** был самым вольнодумным, самым образованным, самым смелым, а, возможно, и самым одарённым из лицейских педагогов.

Куницын бывал суховат, резок с глупцами, невеждами и лентяями, не прочь подчас действовать волевыми методами, т.е., попросту говоря, заставить вызубрить из своих лекций то, что ученикам послабее логически усвоить не удавалось. Когда Пушкин в 1825 г. возвращался душой и мыслью к 1811-му и вспоминал Куницына:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш
пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

то прежде всего он имел в виду великие принципы вольнолюбия, ненависти к деспотизму, духовной и нравственной свободы, которые внушил своим питомцам Александр Петрович. <...>

Родился Александр Петрович в селе Кой Кашинского уезда Тверской губернии. Первоначальное образование получил в духовном училище того же уезда и в Тверской семинарии. Успехи его были награждены зачислением в Педагогический институт в Санкт-Петербурге в 1803 г.; как одного из лучших студентов Куницына отправили в Геттинген, где другом и однокашником стал будущий декабрист и теоретик декабризма Николай Иванович Тургенев. Геттингеном Куницын не ограничился: он слушал юристов и дипломатов в Парижском университете и в Гейдельберге и возвратился домой в начале 1811 г. С огромным запасом сведений, собственных мыслей и с молодым жаром свободолюбия, теоретически обоснованного. Сразу же он был утверждён адъюнкт-профессором нравственных наук в Царско-сельский Лицей. <...>

Курс лицейских лекций Куницына охватывал двенадцать циклов: логика, психология, этика, право естественное, право народное, право гражданское русское, право уголовное, финансовое и т.д. Всё это составляло своего рода единство, ибо, по Куницыну, «Наука только тогда имеет совершенный вид, когда все положения одной составляют непрерывную цепь

и одно объясняется достаточно другим». <...> Куницын не любил приводить конкретные факты и примеры: он считал, что сами тезисы его есть обобщение фактов, которые как бы оставались за кадром, составляя некий невидимый фундамент освобождённой теоретической мысли. Если говорить о центральной идее всех занятий Куницына, то она просматривается легко: человек рождён не для подчинения тиранам, а для разумной свободной жизни.

<...> Как писал П.А. Плетнёв, поэт (А.С. Пушкин) «о лекциях Куницына вспоминал всегда с восхищением и лично к нему до смерти своей сохранил неизменное уважение». На сей счёт имеется и собственноручный пушкинский документ. 11 января 1835 г. Пушкин подарил лицейскому профессору свой исторический труд — «Историю Пугачёва» с надписью «Александр Петрович Куницыну от Автора в знак глубокого уважения и благодарности». <...>

Николай Фёдорович Кошанский (1781–1831). Сын обедневшего московского дворянина, не сохранившего ни имения, ни крепостных, Кошанский усердием и способностями получил отменное образование, овладев в совершенстве языками древнеславянским, французским, латинским, греческим, английским. Кошанский закончил Московский университет сразу по двум факультетам — философскому и юридическому.

В 1805 г. он выпустил в свет «Таблицы латинской грамматики», в 1806 г. — «Начальные правила русской грамматики». В 1805 г. сдал экзамен на степень магистра философии...

РЕСУРСЫ

<...> Высокий, стройный, с приятными чертами лица, мягкостью и торжественностью голоса, приветливостью во взгляде при разнообразии и глубине познаний, он словно создан был для профессорской кафедры. Многие мемуаристы свидетельствуют, что таков вообще был тогда тип московской профессуры.

В 1807 г. Кошанский, выдержав экзамен на звание доктора философии, выпустил в свет и свой самый значительный труд того времени: «Руководство к познанию древностей по Милленю, в пользу учащихся при Московском университете» — первое практическое руководство на русском языке для изучения эпохи античности. Работоспособность молодого Кошанского исключительна: одновременно он преподаёт в высших классах московской гимназии, в Екатерининском институте; служит секретарём при цензурном комитете и в комитете испытаний для получения чиновничьих классов. Всё это не мешало ему сотрудничать в «Вестнике Европы» и «Русском вестнике», «Московских ведомостях» — писать стихи и выполнять переводы. В те же годы выходили переиздания его латинских и русских грамматик, а к 1811 г. подготовлена и напечатана новая прекрасная работа «Цветы греческой поэзии с текстом сравнённым и исправленным, с замечаниями и объяснениями историческими, критическими, эстетическими и с российским переводом».

С таким вот багажом прибыл Кошанский в лицей. <...> К чести Кошанского — лицейское его жалование было вдвое меньше того, что он в общей сложности зарабатывал на своих прежних должностях.

17 августа 1811 года молодой преподаватель лицея был уже на новом месте и принялся деятельно помогать директору во всех хлопотах. Он закупал в Петербурге книги для классов, составлял расписание для профессоров и воспитанников. Избранный секретарём профессорской конференции, Кошанский стал по существу, если применить современный термин, заведующим учебной частью лицея. В первые два-три года перед профессором русской и латинской словесности стояла нелёгкая (так до конца и не выполненная) задача как-то уравнивать знания воспитанников, поскольку разрыв между Пушкиным и, скажем, Данзасом был слишком велик. Кошанский принялся за начальные правила, не убоившись зевоты лучших учеников. Однако сразу же начались и увлекательные чтения вслух лучших образцов русских стихов и прозы; и даже делались попытки вовлечь воспитанников в сочинительство. Иной раз Кошанский вводил в текст лекции короткие притчи и рассказы собственного сочинения, занимавшие слушателей.

Все лицейские годы Кошанский отдавал много сил подготовке учебников для практических занятий по латинскому языку и книг для чтения.

Кошанский был «классик и педант», он стремился научить лицеистов правилам стихосложения и не догадывался, что один из них Гений.

<...> Кошанский выпустил своих первых учеников и прослужил в лицее до 1828 г. Лицейсты последующих выпусков, готовясь к лекциям Кошанского, упрашивали его привезти из Петербурга какое-нибудь новое произведение Пушкина и почитать им вслух вместо занятий скучной латы-

ню. Просьба никогда не встречала отказа.

www.pushkin.ru

Царскосельский лицей был торжественно открыт 19 октября 1811 года. Это было высшее учебное заведение в дореволюционной России, действовавшее в Царском Селе с 1811 по 1843 годы. Идея создания лицея принадлежала российскому государственному деятелю и инициатору реформ Александра I Михаилу Михайловичу Сперанскому, считавшему, что России необходима конституция, которая должна уничтожить различия в правах между сословиями.

Целью лицея была подготовка высших государственных чиновников. Сюда принимались талантливые мальчики 10–12 лет — как правило, выходцы из небогатых дворянских семей. Число лицеистов составляло 30 человек, а срок обучения — 6 лет. Лицей был закрытым учебным заведением, и жизнь его воспитанников была строго регламентирована. Мальчишкам нельзя было покидать его территорию на протяжении всего года, даже в каникулы.

Процесс обучения лицеистов

В лицее преподавали в основном дисциплины, имеющие гуманитарно-юридическую направленность. Программа обучения охватывала и гимназический («начальный»), и университетский («окончательный») курсы. У каждого нового курса расписание и количество занятий несколько отличались. Например, в 1812 году лицеисты в неделю занимались 10 часов французским языком, 6 часов латинским,

10 часов немецким, 3 часа русским, 4 часа математикой, 3 часа географией, 3 часа историей, 3 часа чистописанием и 2 часа рисованием. Всего в неделю было 47 учебных часов.

Ежедневное расписание лицеистов выглядело так:

6.00 — подъём, сборы, молитва;

7.00–9.00 — уроки;

9.00–10.00 — чай, прогулка;

10.00–12.00 — уроки;

12.00–13.00 — прогулка;

13.00 — обед;

14.00–15.00 — чистописание или рисование;

15.00–17.00 — уроки;

17.00 — чай;

до 18.00 — прогулка;

18.00–20.30 — повторение уроков и вспомогательные классы (по средам и субботам — танцы или фехтование);

каждую субботу — баня;

20.30 — ужин;

до 22.00 — рекреация;

22.00 — молитва и сон.

В первый выпуск лицея (1811–1817 гг.) кроме Пушкина в число самых выдающихся деятелей вошли: декабрист Пущин, поэт-декабрист Кюхельбекер, поэт Дельвиг, мореплаватель Матюшкин, канцлер России князь Горчаков.

В 1817 году, сдав в течение семнадцати майских дней 15 экзаменов, лицеисты получили аттестаты. Пушкин оказался двадцать шестым по успеваемости (из 29 выпускников), показав особые успехи в российской и французской словесности, также в фехтовании. Выпускники лицея могли получить гражданский чин от 14-го до 9-го класса, а для желавших поступить на военную службу проводилось дополнительное военное обучение.

Имя задачи: Знакомое и незнакомое Лукоморье (по вступлению к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»).

Автор: Лялько Н.В., учитель русского языка и литературы средней школы г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 6–7.

Тема: Художественный мир Пушкина. Фольклорная основа поэмы «Руслан и Людмила».

Профиль: Гуманитарный.

Уровень: Продвинутый.

Текст задачи. Всем с раннего детства хорошо известны строки, которыми начинается вступление к поэме «Руслан и Людмила»:

У Лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том,
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом...

Четыре года писал поэму Пушкин, начав её ещё в лицее, а закончив в 1820 году. В первой редакции поэмы вступления не было, оно было написано лишь в 1828 году. Из героев, появившихся во вступлении, только Черномор и богатырь появятся в основном тексте поэмы. Зачем же автор так подробно расписывает мир Лукоморья? Что стоит за образами-символами: дубом, цепью, лесом? Почему когда кот «идёт направо, песнь заводит, налево — сказки говорит»?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните Ваши выводы с культурным образцом.

Возможные информационные источники

Книги:

Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: Российская энциклопедия, 1994.

Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Художественная литература, 1975.

Русская мифология. Энциклопедия. М.: ЭКСМО, 2006.

Культурный образец

Евгений Пчёлов, доцент Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук. «У Лукоморья дуб зелёный...» Заметки дилетанта. // Пушкинский альманах. Народное образование. 2009. № 5.

Как известно, в 1828 г. при втором издании поэмы «Руслан и Людмила» А.С. Пушкин предпослал её тексту стихотворное введение (называемое также в научной литературе вступлением или прологом; в авторском тексте оно никак не названо. Прототип этого вступления хорошо известен — это сказка о Султানে Султановиче и 33 его сыновьях, которая была записана Пушкиным со слов Арины Родионовны в Михайловском в 1824–1825 гг. В этой сказке есть такие слова: «у моря Лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, а по тем цепям ходит кот; вверх идёт — сказки сказывает, вниз идёт — песни поёт».

Отталкиваясь от этого образа, Пушкин и сочинил своё чудесное вступление, наполнив его и другими разнообразными фольклорными и литературными персонажами. Я не буду углубляться в фольклорные истоки образного комплекса «дуб-море (океан)», как и самого понятия Лукоморье, как и в отражения в этих образах (а значит и в пушкинском тексте) архетипического символа «мирового древа», универсального для мировой культуры, как и в символику дуба в творчестве Пушкина вообще — всё это уже давно сделано исследователями и представляется теперь вполне очевидным. Замечу только, что попытки непосредственно связать пушкинский текст с исторически существовавшим Лукоморьем древнерусского времени и священным дубом славян на о. Хортица (в этих местах Пушкин побывал в 1829 г., спустя год после публикации вступления), мне представляются неубедительными.

Я позволю себе остановиться на композиции описания пушкинского лукоморья — так, как оно представлено в самом тексте, и на тех общекультурных оппозициях и семантических связях, которые нашли в нём воплощение. Эта композиция, как мне представляется, подчинена одному главному принципу, выраженному в образе учёного кота, а вернее в его движении. В самом деле, как движется пушкинский кот? В сказке Арины Родионовны кот ходит по золотым цепям вверх и вниз. Таким образом он связывает части мирового древа в единое целое. У Пушкина кот ходит «по цепи кругом» — движению вверх и вниз противопоставлено круговое движение. Однако это круговое

движение не есть простое вращение. Кот ходит сложным образом. Сначала он идёт «направо» и песнь поёт. Это движение — слева направо по кругу, т.е. по часовой стрелке — есть движение вместе с солнцем: то, что в церковной традиции называется «посолонь». Иными словами, кот идёт как бы вместе с течением времени, его движение соответствует естественной смене дня и ночи — он идёт так же, как идёт по кругу стрелка часов.

Этому движению соответствует песня, т.е. произведение, которое, хоть и с некоторой долей натяжки, можно отнести к числу «реалистичных» жанров фольклора. Здесь всё более-менее правильно и естественно. Потом кот меняет направление своего движения на противоположное. Он идёт налево и говорит сказку. Движение справа налево по кругу, т.е. против часовой стрелки, есть движение «против солнца». Кот таким образом движется в обратном направлении, т.е. противоположно течению времени — он идёт в прошлое. Это движение не соответствует естественной смене дня и ночи, и с ним соотносится сказка — произведение заведомо «нереальное», фантастичное. Двигаясь туда и сюда, кот на самом деле в онтологическом смысле остаётся как бы на месте — его движение по времени в будущее («направо») уравнивается возвращением в прошлое («налево») и т.д. — тем самым он остаётся в настоящем. Реальность кота, кстати, вполне ясно показана в тексте — автор как бы в действительности был у Лукоморья, видел дуб и слушал сказки кота, т.е. на самом деле кот — современник рассказчика-поэта.

Но если кот ходит кругом по золотой цепи на дубе сначала посолонь, а потом против солнца, то когда же начинается это движение? Пушкин почти даёт ответ на этот вопрос в тексте. Кот ходит и днём, и ночью, т.е. он движется от дня к ночи и назад. А какова же точка отсчёта? И вот здесь ответ кроется в дальнейшем рассказе.

Как построена структура Лукоморья? Присмотримся к этим образам. Итак мы вслед за поэтом наблюдаем череду чудес.

- Леший бродит.
- Русалка на ветвях сидит.
- На неведомых дорожках следы невиданных зверей.
- Избушка на курьих ножках стоит без окон, без дверей.
- Лес и дол видений полны.
- О заре прихлынут волны, и из ясных вод выходят тридцать прекрасных витязей (и с ними дядька их морской).
- Королевич мимоходом пленяет грозного царя.
- В облаках через леса, через моря колдун несёт богатыря.
- Царевна тужит в темнице, а бурый(!) волк ей верно служит.
- Ступа с бабою ягой идёт, бредёт сама собой.
- Царь Кощей над златом чахнет.

Заканчивается описание чудес словами: «Там русский дух... там Русью пахнет!» Что вполне соотносится с фольклорным образом Бабы яги, чувствующей человеческий «дух».

Теперь попробуем проследить ряд параллелей и семантических связей. Начинается описание Лукоморья довольно мрачно. Центральной здесь является тема леса, причём тёмного и наполненного тёмными и страшными силами. Бродит леший (встреча с

которым не предвещает ничего хорошего), на ветвях (дуба) сидит русалка (также несущая гибель), на неведомых дорожках (по которым, значит, ходить опасно) следы каких-то таинственных зверей (сами звери не появляются, но также таят в себе угрозу), стоит избушка Бабы Яги (которой лучше не попадаться), причём наглухо закрытая (без окон, без дверей).

Завершается вся эта мрачная картина тем, что лес и дол полны видений, к описанию которых и переходит автор. Итак, первая часть описания Лукоморья — это лес, мрак, страх, персонажи, несущие гибель или смерть, явно негативные. В общем-то это не люди, точнее нелюдь, какие-то полуживотные существа — леший, русалка, невиданные звери, избушка на курьих ножках (атрибут Бабы Яги). Это нижний мир, мир тёмных сил, а следовательно, мир ночи. Кстати, этот мир довольно статичен. Если в нём и есть движение, то оно бесцельно (леший бродит), а вообще-то и движения нет (русалка сидит, избушка стоит, а звери лишь оставили следы).

Следующая часть описания, напротив, наполнена светом и динамизмом. Действие в нём разворачивается у моря с ясными волнами или даже в небесах, над морями и лесами. Уже вводным в эту часть является слово «заря» (очевидно, утренняя), т.е. рассвет после ночи, а дальше наступает день. Это мир моря и неба (а значит, простора), дня и света, мир верха, мир победы над тёмными силами (витязи готовы защитить, королевич мимоходом пленяет, колдун несёт богатыря (полёт)). Это мир молодости, побеждающий дряхлую старость.

Третья часть описания Лукоморья (как не вспомнить о трёхчастной структуре мирового древа!) вновь возвращает нас в мрак и тьму.

Даже само слово «темница» является вводным для этой части. Здесь снова страдания (на этот раз вполне реальные — царевна тужит), снова звери (волк), снова inferнальные существа (Баба Яга и Кощей Бессмертный).

Мрачное настроение усилено цветом волка, который бурый, а не серый. Движение также замирает (ступа бредёт сама собой), а потом и вовсе сходит на нет, заканчивается медленной гибелью (царь Кощей чахнет). Это снова «низ», тьма и ночь.

Третья часть почти зеркально соотносится с первой. Леший соотносится с Кощеём. Русалка — с царевной. Невиданные звери с — с волком. Избушка на курьих ножках — с Бабою Ягой. Та же избушка «без окон, без дверей» — с темницей. И леший, и ступа с Бабою Ягой бродят. По сути это круговая композиция. Это ощущение усиливает и образ кощеёва злата в конце описания, соответствующий златой цепи кота в начале.

Таким образом, перед нами круг. Это круг от ночи к дню и опять к ночи. От мрака к свету и к мраку. От леса к морю и к небу, и к лесу. От зверей и существ к людям и снова к зверям и к существам. От смерти к жизни, и к смерти. От статичности к динамике и к статичности. От старости к молодости и к старости. В какой-то степени от женского мира к мужскому и к женскому. Это универсальные культурные оппозиции. Это круговорот жизни. Это круговорот времени. Это та композиция, которая предзадана движением кота. Но есть и одно су-

щественное отличие. Это движение не в горизонтальной плоскости, а в вертикальной. Движение от земли к небу и опять к земле. Значит от низа к верху и опять вниз это движение кота из сказки Арины Родионовны.

Ну а если говорить о круге в целом, о горизонтальном движении кота пушкинского, не совпадающем по плоскости с движением описания лукоморья (а Пушкин, по сути, совмещает обе плоскости в одном рассказе), то с какого же момента это движение начинается? Кот движется от ночи к дню и опять к ночи, т.е. он начинает свой путь в полночь. Так, как и установилось начало суток в русской культуре с петровских времён — не с утренней или вечерней зари, а с полуночи. И Пушкин описывает эту смену ночи и дня, начиная с полуночи и полуночью заканчивая.

А теперь посмотрим, сколько чудес он показал нам. Почти каждое чудо вводится замечательным для этого текста словом «там». Это «там», как удар часового боя, отмеривающего время. И так, там чудеса, там леший..., русалка..., там на неведомых дорожках..., избушка там..., там лес и дол..., там о заре..., там королевич мимоходом..., там в облаках перед народом..., в темнице там царевна тужит..., там ступа с Бабою Ягой..., там царь Кощей..., там русский дух... там Русью пахнет! Последнее там аналогично предшествующему — оно предваряет уточнение фразы и усиливает предыдущее «там», одновременно обрамляя всё описание лукоморья, начинающееся также с «там». Если говорить о смыслодержущих кусках текста, то таковых двенадцать и двенадцать раз они вводятся в рассказ словом там. Двенадцать — это

РЕСУРСЫ

количество часов на циферблате. Двенадцать же — это число, описывающее мировое древо в русском фольклоре и создающее его полноту (12 сучьев, 12 гнезд).

«И там я был, — завершает Пушкин, — и мёд я пил...». Мёд — атрибут мирового древа Иггдрасила в скандинавской мифологии. Это мёд поэзии, которым «напитался» Пушкин, представляющий читателю свой первый масштабный поэтический опыт.

Имя задачи: Десятая муза

Автор: Лялько Н.В., учитель русского языка и литературы средней школы № 44 г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 7–9.

Тема: Теория стихосложения. Рифма. Стихотворные размеры.

Профиль: Гуманитарный.

Уровень: Продвинутый.

Текст задачи. Всё европейское искусство и некоторые науки расцветают под сенью 9 греческих муз: они покровительствуют истории и астрономии, театру и искусству танца, поэзии...

А.С. Пушкин, рассчитывая на классическое образование своих современников, в 1830 году сочинил миф о Рифме по образцу древних легенд:

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня.

Феб, увидев её, страстию к ней воспылал...

Прочтите полный текст стихотворения «Рифма», написанного гекзаметром. Осмыслите его мифологический контекст и ответьте на вопрос: «Почему в греческой мифологии не

было и не могло быть мифа о рифме?»

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с культурным образцом.

Возможные информационные источники

Книги:

Жирмунский В. Поэтика русской поэзии. СПб.: Азбука-классика, 2001.

Лотман Ю. Лекции по структуральной поэтике. Введение: теория стиха. Тарту, 1964.

Томашевский. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1999.

Словарь античности. М.: Прогресс, 1993.

Культурный образец

Эткинд Е. Разговор о стихах. М.: Детская литература, 1970.

<...>Малый контекст — контекст каждого стиха да и всего стихотворения в целом — недостаточен, чтобы читатель мог разобраться в содержании вещи. Он должен обратиться к контексту греческой мифологии, и тогда он узнает:

Нимфы — дочери верховного бога Зевса, прекрасные девушки, весёлые и ветреные; они олицетворяли всевозможные силы и явления природы. Эхо — одна из нимф. Феб — бог солнца, покровитель искусств, прежде всего — поэзии. Наяды —

нимфы вод, они считались покровительницами брака; наяды говорливые — потому что журчание вод воспринималось греками как говор наяд. Мнемозина — богиня памяти, она родила от Зевса 9 муз, считавшихся богинями поэзии, искусств и наук. Аониды — одно из прозвищ муз.

В древнегреческой поэзии мифа о рифме не было. Пушкин придумал этот миф по образцу других известных ему древних легенд.

Мысль Пушкина о том, что рифма соединяет свойства её матери Эхо (рифма, как эхо, повторяет последние звуки предшествующего стиха) и её отца Феба (рифма — признак искусства). Она стала подругой муз и покровительницей поэзии.

Теперь понятно, почему Рифма матери чуткой подобна, почему она «послушна памяти строгой» (Мнемозине), почему она «музам мила». Каждое слово осмысливается благодаря мифологическому контексту. Впрочем, Пушкин обращался к читателям, которые без комментариев и словарей понимали смысл этих имён и намёков, он рассчитывал на классическое образование своих современников.

За два года до того Пушкин на полях рукописи «Полтавы» написал стихотворение «Рифма, звучная подруга...» (оставшееся неопубликованным при его жизни), в котором рассказал сходную, хотя и другую легенду о Фебе-Апполоне, который

...бродил во мраке леса,
И никто, страшась Зевеса,
Из богинь иль из богов
Навещать его не смели —
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов.

Помня первые свиданья,
Усладить его страданья
Мнемозина притекла.
И подруга Апполона
В тёмной роще Геликона
Плод восторгов родила.

По этой первоначальной пушкинской версии Рифма — дочь не нимфы Эхо, а самой Мнемозины и, значит, сестра муз. Этот вариант Пушкина не удовлетворил: видимо, ему показалось необходимым рассказать древний миф (или подражание мифу) где-то, стихом самих греков, а не безразличным четырёхстопным хореем. Это он осуществил несколько позднее, а заодно и придал сочинённой им легенде большую содержательность.

<http://feb-web.ru/> Поэтический словарь Квятковского

РÍФМА(от греч. *ῥυθμός* — соразмерность) — композиционно-звуковой повтор преимущественно в конце двух или нескольких стихов, чаще — начиная с последнего ударного слога в рифмуемых словах. В русских пиитиках (16–18 вв.) этот повтор назывался «краесогласием». Определение Р. как концевой созвучия не совсем точно, так как известны случаи начальных и внутренних Р. На протяжении истории поэтического искусства структура Р. менялась и меняется. Не влияя непосредственно на ритмостроение стиха, Р. тем не менее играет исключительную эвфоническую и организующую роль в стихе, особенно при строфической композиции стихотворения. В античной поэзии рифмовка стиха как система не применялась; рифмы в античных стихах — явление

РЕСУРСЫ

случайное, чаще в середине и в конце одного и того же стиха.

Имя задачи: Двужычие «Повестей Белкина»

Автор: Лялько Н.В., учитель русского языка и литературы средней школы № 44 г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 7.

Тема: Жанровое своеобразие «Повестей Белкина» А.С. Пушкина.

Профиль: Общеобразовательный.

Уровень: Общий.

Текст задачи. В «Повестях Белкина» А.С. Пушкина всё кончается не так, как можно было ожидать. Они все будто пародируют традиционную схему романтической повести. Какова традиционная схема разворачивания сюжета романтической повести? В чём состоит пародия?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с культурным образцом.

Возможные информационные источники

Книги:

Тюпа В.И. Двужычие «Повестей Белкина»: анекдот и притча // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 1999. № 4.

Энциклопедический словарь юного литературоведа. М.: Педагогика, 1988.

Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007.

Web-сайты:

<http://Philology.ru>

<http://www.hrono.info/proekty/moloko/endex.html>

<http://parshin.webhost.ru/docs/prosem.rar>

<http://portalus.ru> (с)

Культурный образец

Эйхенбаум Б. О литературе. М.: Советский писатель, 1987.

Болдинские побасенки Пушкина

Пушкинские «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» остаются до сих пор загадкой, как были они во времена Белинского, который признал в них «искусство рассказывать (conter)», но отказался признать в них «художественные создания», а оценил как «просто сказки и побасенки». Ничего выжать из этих повестей ему не удалось — философия не поместилась. Сам Пушкин мельком упомянул в письме к Плетнёву, что Баратынский от них «ржёт и бьётся». И больше ни слова.

Что же они такое? Ни философии, ни особой психологии, ни быта в этих маленьких болдинских выдумках нет. От чего же «ржал и бился» Баратынский?

Заметим прежде всего: в повестях этих всё кончается не так, как можно было бы ожидать поначалу. Они все точно пародируют традиционные сюжетные схемы. В «Выстреле» угрюмый романтический Сильвио, «коего жизнь была загадкою» и

который казался «героем таинственной какой-то повести», никого не убивает и не губит (только в конце для приличия сообщается о его гибели, и то не наверно), а повесть оказывается несколько не таинственной. В «Метели» вместо ожидаемых трагических осложнений всё кончается необыкновенно мирно и просто — благополучным законным браком. В «Гробовщике» просто ничего не происходит — всё остаётся на месте, хотя казалось, что движется куда-то. В «Станционном смотрителе» Дуня, блудная дочь, не гибнет и не возвращается с раскаянием к отцу, а приезжает «в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами, и с кормилицей, и чёрной моською». В «Барышне-крестьянке» начальная ситуация, ставящая Лизу в положение шекспировской Джульетты и предвещающая ряд сложных моментов, внезапно «от пугливости» куцей кобылки превращается в весёлый безобидный анекдот.

Так «Повести Белкина» объединяются около одного приёма — неожиданной развязки или неожиданного поворота привычных сюжетных схем. Проследим подробнее изменение этого приёма.

Во всех этих повестях интерес сосредоточен не на самых фигурах, а на движении новеллы. «Выстрел» выглядит пародией на трафаретные романтические повести с таинственным героем во главе, наделённым могучими страстями, — недаром рассказчик подсказывает сам читателю такое представление о Сильвио. Первая глава выдержана в этом духе, хотя и подготавливает пародию сообщением некоторых подробностей, будто бы характеризующих героя. Недаром Надеждин недоумевал в своей ре-

цензии («Телескоп», 1831, № 21): «К чему ещё эта подробность, что Сильвио не отдавал книг, взятых на прочтение?» Дальнейшее движение повести и конец прерванного рассказа мотивированы случайной встречей рассказчика с графом, врагом Сильвио. Повесть уходит как бы в сторону и наполняется подробностями, никакого отношения к истории Сильвио не имеющими: «К чему описание жизни отставного офицера в деревне?» — опять недоумевает Надеждин. Между тем — здесь вся суть. Сюжет, очень простой и похожий на маленький анекдот, особым образом развёрнут. Он разбит на две части — одна вложена в уста Сильвио (первая глава), другая в уста графа (вторая глава).

При этом оба раза сюжетные части вставлены в рамку: первая часть рассказана в ответ на происшествие у карточного стола и служит объяснением тому, что Сильвио не хочет драться, вторая возникает в результате неожиданной встречи — смело введённая «неестественная» случайность становится естественным поводом для развязки сюжета. Анекдот развёртывается в новеллу тем, что самый сюжет слегка отодвинут и сообщается после ряда других событий, непосредственно с ним и не связанных, как комментарий. Концовка вводит новый мотив и придаёт всему рассказу некоторую перспективу. Только что разъяснившийся и слегка комический образ Сильвио приобретает заново черты героя таинственной какой-то повести, о которой ни читатель, ни сам рассказчик не знают ничего определённого.

В «Метели» (пишет Надеждин) очень искусно прервано повествова-

ние о победе дочери и другое — об известии, которое узнал несчастный жених... «Что всё это значит? — думает читатель, а автор очень ловко отложил объяснение до последнего почти слова в повести». Тут схвачена особенность «Метели». Психология опять не играет никакой роли — с несчастным женихом повесть прощается очень легко и незаметно. Всё дело опять в движении, в композиции, в развёртывании. Начало — в духе сентиментальных, карамзинских повестей (недаром «Наталья боярская дочь» упоминается в «Барышне-крестьянке»), которые служат здесь как бы фоном — на нём выделяются отступления Пушкина от традиции (Марья Гавриловна была воспитана на французских романах — конечно, Жанлис). Использована традиционная ситуация — переписка, свидания в роще, клятвы, сон и пр., повсюду проскальзывает пародия — то в тоне рассказчика, то в бытовых деталях, разбивающих сентиментальное настроение.

Затем рассказано о событиях, связанных с побегом; проводятся две линии из разных точек, которые стремятся встретиться, — Маша и Владимир, каждый из своего дома, едут в Жадрино. Рассказ о Маше прерывается в момент её выезда, рассказ о Владимире доходит до нужной точки, но встречи линий не происходит. Получается промежуток, о котором мы не осведомлены. Повесть возвращается к началу в такую минуту, когда ей нужно было бы стремительно развиваться дальше. «Но возвратимся к добрым ненарадновским помещикам и посмотрим, что у них делается. А ничего». Этим задержанием развёртывается повесть — мы, как и в «Вы-

стреле», оказываемся вдруг совсем в стороне от только что развившегося сюжета. И опять идут подробности — о войне, о русских женщинах и пр. И опять случайная встреча становится мотивировкой развязки, причём именно то, что должно заполнить оставшийся раньше промежуток, поставлено как комментарий к словам Бурмина. Приёмы «Выстрела» повторены с некоторым вариантом в «Метели».

И в «Выстреле», и в «Метели» установка кажущаяся — на самом деле сюжет идёт прямо к своей развязке и все события получают своё должное развитие. В «Гробовщике» — иначе.

Всё до известия о смерти купчихи Трюхиной и появления мертвецов кажется только приготовлением к повести, только завязкой, между тем как оказывается, что сами события именно на этом месте останавливаются и повесть никуда дальше не идёт. Сон гробовщика служит мотивировкой для кажущегося движения. Повесть разрешается в ничто — не произошло ровно ничего, даже Трюхина не умерла. Получается нечто вроде каламбура — тут-то, верно, больше всего «ржал и бился» Баратынский).

«Станционный смотритель», как было уже замечено М.О. Гершензоном (в журнале «Творчество», Харьков, 1919, № 4), построен как своего рода пародия на традиционный сюжет истории блудного сына — недаром Пушкин помещает картину, изображающую эту историю, в избе смотрителя и даёт подробное описание. Смотритель сам воспринимает события в линии этого сюжета и не видит для своей блудной дочери иного конца. Он гибнет от горя, а

между тем блудная дочь становится барыней и приезжает для раскаяния. Сюжет развёрнут ступенями — мотивировкой служат три приезда рассказчика в те же места. Опять, как в «Выстреле», сюжетное движение слегка отодвинуто и задержано, разложено на моменты — «прошло несколько лет» и т.д.

Наконец в «Барышне-крестьянке», как я уже мимоходом указал, пародируется сюжет враждующих семей. Ромео не знает сам, что он поставлен судьбой именно в такое положение, не знает об этом читатель. Случайное примирение отцов внезапно меняет всю ситуацию. Получается нечто подобное «Графу Нулину», где пародируется сюжет Лукреции: «Однажды, перечитывая Лукрецию (пишет Пушкин), довольно слабою поэму Шекспира, я повторил пошлое замечание о мелких причинах великих последствий. Я подумал: что, если б Лукреции пришло в голову дать пощёчину Тарквинию? Быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом должен был бы отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал царей и мир и история мира были бы не те... Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась; я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть»).

В «Барышне-крестьянке», как и в других повестях, Пушкин кладёт в основание элементы традиционной схемы с романтическими деталями — роковое кольцо, таинственная переписка, мрачная разочарованность. Но психологические подробности совершенно оставлены: «Если

бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности стал бы описывать свидания молодых людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость. Занятия, разговоры: но знаю, что большая часть моих читателей не разделила бы со мною моего удовольствия. Эти подробности вообще должны казаться приторными: итак, я пропущу их...» Случайность меняет всю ситуацию: «вражда старинная и глубоко укоренившаяся, казалось, готова была прекратиться от пугливости куцей кобылки». Трагический сюжет превратился в каламбур — Ромео и Джульетта благополучно соединяются. «Пошное» замечание о мелких причинах великих последствий повторено и здесь.

Пародирование сюжетных схем, несовпадение с традиционным их движением — частое явление в литературе. Художественная мысль часто работает по законам каламбура: берутся привычные положения, с которыми связаны прочные ассоциации, но в чём-нибудь делается отступление — вносится нечто неожиданное, «случайное», разрушающее механическое развитие сюжетной схемы. Происходит новое осмысление традиционной формулы.

Так сцепляются между собой болдинские повести Пушкина — и Иван Петрович Белкин, «славный малый», страдавший, по словам биографа, «недостатком воображения», оказывается очень искусным и тонким пародистом. Кому этого мало, кто скажет, что это — «только форма», и будет упорно разыскивать «смысл жизни» там, где его нет, тот пусть выводит мораль по способу самого Пушкина:

РЕСУРСЫ

Вот вам мораль: по мнению моему,
Кухарку даром нанимать опасно;
Кто ж родился мужчиною, тому
Рядиться в юбку странно и напрасно:
Когда-нибудь придётся же ему
Брить бороду себе, что несогласно
С природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего.

Имя задачи: Шедевр пейзажной лирики или... «Куда ж нам плыть?...»

Автор: Лялько Н.В., учитель русского языка и литературы средней школы № 44 г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 8–9.

Тема: Поэт и его поэзия.

Профиль: Общеобразовательный.

Уровень: Общий.

Текст задачи. В письме к своему другу, издателю книг П.А. Плетнёву Пушкин писал: «Осень подходит. Это любимое моё время — здоровье моё крепнет — пора моих трудов настанет... Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов...». Болдинской осенью 1833 года появился шедевр пейзажной лирики — стихотворение «Осень». Однако X–XII строфы передают не картины природы, а нечто связанное с внутренним миром человека.

Появляется образ-метафора корабля. Что скрывается за ним? Что запечатлел поэт? Почему в окончательном варианте XII строфа завершается вопросом «Куда ж нам плыть?», и автор не даёт ответа, ограничиваясь двумя строками точек, тогда как в черновом варианте ответ был?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с культурным образцом.

Возможные информационные источники

Книги:

Красухин Г. Пушкин. Болдино. 1833. М.: Флинта, 1998.

Культурный образец

Смелкова З.С. Литература как вид искусства. М.: Флинта, Наука, 1997.

Обратите внимание, как органично поэтическая картина осени подготавливает авторский рассказ о себе: богатство жизненных впечатлений — это ощущение полноты жизни, молодости, кипящих желаний. В этом — истоки вдохновения. Так рождается потребность творчества, так «пробуждается поэзия».

И Пушкин сумел запечатлеть, казалось бы, неуловимое: как возникает вдохновение, чтобы излиться, наконец, свободным проявлением в поэтических строках, которые вот-вот возникнут на бумаге.

Перечитайте ещё раз последние строфы — содержание их трудно комментировать: необычен и хрупок предмет описания.

Воображение поможет вам воспринять, образно представить себе

РЕСУРСЫ

Танцы были важным структурным элементом дворянского быта. Их роль существенно отличалась как от функции танцев в народном быту того времени, так и от современной.

В жизни русского столичного дворянина XVIII — начала XIX века время разделялось на две половины: пребывание дома было посвящено семейным и хозяйственным заботам: лицо; другую половину занимала служба — военная или статская, в которой дворянин выступал как верно-подданный, служа государю и государству, как представитель дворянства перед лицом других сословий. Противопоставление этих двух форм поведения снималось в венчающем день «собрании» — на балу или званом вечере. Здесь реализовывалась общественная жизнь дворянина: он не был ни частное лицо в частном быту, ни служивый человек на государственной службе — он был дворянин в дворянском собрании, человек своего сословия среди своих.

Таким образом, бал оказывался, с одной стороны, сферой, противоположной службе, — областью непринуждённого общения, светского отдыха, местом, где границы служебной иерархии ослаблялись. Присутствие дам, танцы, нормы светского общения вводили внеслужебные ценностные критерии, и юный поручик, ловко танцующий и умеющий смешить дам, мог почувствовать себя выше стареющего, побывавшего в сражениях полковника. С другой стороны, бал был областью общественного представительства, формой социальной организации, одной из многих форм дозволенного в России той поры коллективного быта. В этом

смысле светская жизнь получала ценность общественного дела.

Характерен ответ Екатерины II на вопрос Фонвизина: «Отчего у нас не стыдно не делать ничего?» — «...в обществе жить не есть не делать ничего». Со времени петровских ассамблей остро встал вопрос и об организационных формах светской жизни. Формы отдыха, общения молодёжи, календарного ритуала, бывшие в основном общими и для народной, и для боярско-дворянской среды, должны были уступить место специфически дворянской структуре быта.

Внутренняя организация бала делалась задачей исключительной культурной важности, так как была призвана дать формы общению «кавалеров» и «дам», определить тип социального поведения внутри дворянской культуры. Это повлекло за собой ритуализацию бала, создание строгой последовательности частей, выделение устойчивых и обязательных элементов. Возникла грамматика бала, а сам он складывался в некоторое целостное театрализованное представление, в котором каждому элементу (от входа в залу до разъезда) соответствовали типовые эмоции, фиксированные значения, стили поведения. Однако строгий ритуал, приближавший бал к параду, делал тем более значимыми возможные отступления, «бальные вольности», которые композиционно возрастали к его финалу, строя бал как борение «порядка» и «свободы».

Основным элементом бала как общественно-эстетического действия были танцы. Они служили организующим стержнем вечера, задавали тип и стиль беседы. «Мазурочная болтовня» требовала поверхностных, неглу-

боких тем, но также занимательности и остроты разговора, способности к быстрому эпиграмматическому ответу. Бальный разговор был далёк от той игры интеллектуальных сил, «увлекательного разговора высшей образованности» (Пушкин, VIII (1), 151), который культивировался в литературных салонах Парижа в XVIII столетии и на отсутствие которого в России жаловался Пушкин.

Тем не менее он имел свою прелесть — оживлённость, свободу и непринуждённость беседы между мужчиной и женщиной, которые оказывались одновременно и в центре шумного празднества, и в невозможной в других обстоятельствах близости («Верней нет места для признаний...» — 1, XXIX). Обучение танцам началось рано — с пяти — шести лет.

Бал в эпоху Онегина начинался польским (полонезом), который в торжественной функции первого танца сменил менуэт. Менуэт отошёл в прошлое вместе с королевской Францией. «Со времени перемен, последовавших у европейцев как в одежде, так и в образе мыслей, явились новости и в танцах; и тогда польской, который имеет более свободы и танцуется неопределённым числом пар, а потому освобождает от излишней и строгой выдержки, свойственной менуэту, занял место первоначального танца» (Правила... С. 55).

Показательно, что в «Евгении Онегине» полонез не упоминается ни разу. В Петербурге поэт вводит нас в бальную залу в момент, когда «толпа мазуркой занята» (1, XXVIII, 7), то есть в самый разгар праздника, чем подчёркивается модное опоздание Онегина. Но и на балу у Лариных полонез

опущен, и описание праздника начинается со второго танца — вальса. С полонезом можно связать, вероятно, лишь не включённую в окончательный текст строфу, вводящую в сцену петербургского бала в восьмой главе великую княгиню Александру Фёдоровну (будущую императрицу), которую Пушкин именует Лаллой-Рук по маскарадному костюму героини поэмы Т. Мура, который она надела во время маскарада в Берлине (1822).

Бал не фигурирует в «Евгении Онегине» как официально-парадное торжество, и поэтому полонез не упомянут.

Второй бальный танец — вальс — Пушкиным назван как «однообразный и безумный» (5, XLI, 1). Эпитеты эти имеют не только эмоциональный смысл. «Однообразный» — поскольку, в отличие от мазурки, в которой в ту пору огромную роль играли сольные танцы и изобретение новых фигур, и уж тем более от танца-игры котильона, вальс состоял из одних и тех же постоянно повторяющихся движений. Ощущение однообразия усиливалось также тем, что «в это время вальс танцевали в два, а не в три па, как сейчас» (Слонимский Ю. Балетные строки Пушкина. — Л., 1974. С. 10). Вальс пользовался в 1820-е гг. репутацией непристойного или, по крайней мере, излишне вольного танца. «Танец сей, в котором, как известно, поворачиваются и сближаются особы обоего пола, требует надлежащей осторожности <..., чтобы танцевали не слишком близко друг к другу, что оскорбляло бы приличие» (Правила... С. 72)

Мазурка составляла центр бала и знаменовала собой его кульмина-

РЕСУРСЫ

цию. Мазурка танцевалась с многочисленными причудливыми фигурами и мужским соло, составляющим «соль» танца. И солист, и распорядитель мазурки должны были проявлять изобретательность и способность импровизировать. В пределах мазурки существовало несколько резко выраженных стилей. Отличие между столицей и провинцией выражалось в противопоставлении «изысканного» и «бравурного» исполнения мазурки:

Мазурка раздалась.
Бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромной зале всё дрожало,
Паркет трещал под каблуком,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, как дамы,
Скользим по лаковому доскам.
(5, XLII, 1–7).

«Когда появились подковки и высокие подборы у сапог, кавалеры, делая шаги, немилосердно стали стучать, так, что, когда в одном публичном собрании, где находилось слишком двести молодых людей мужского пола, заиграла музыка мазурку <...> подняли такую стукотню, что и музыку заглушили» (Правила... С. 83).

Но существовало и другое противопоставление. Старая «французская» манера исполнения мазурки требовала от кавалера лёгкости прыжков (ср.: «Легко мазурку танцевал» — 1, IV, 11), так называемых антраша. Антраша (или «антреша»), по пояснению одного танцевального справочника, «говорится о скачке, в котором нога об ногу ударяется три раза в то время, как тело бывает в

воздухе» (Компан Ш. Танцевальный словарь... М., — 1790. С. 182). Французская, «светская» и «любезная», манера мазурки в 1820-е гг. стала сменяться английской, связанной с дендизмом. Последняя требовала от кавалера томных, ленивых движений, подчёркивавших, что ему скучно танцевать, и он это делает против воли. Кавалер отказывался от мазурочной болтовни и во время танца угрюмо молчал.

Онегин «легко мазурку танцевал», это показывает, что его дендизм и модное разочарование были в первой главе наполовину поддельными. Ради них он не мог отказаться от удовольствия попрыгать в мазурке.

<...>

Котильон — вид кадрили, один из заключающих бал танцев — танцевался на мотив вальса и представлял собой танец-игру, самый непринуждённый, разнообразный и шаловливый танец.

«...Там делают и крест, и круг, и сажают даму, с торжеством приводя к ней кавалеров, дабы избрала, с кем захочет танцевать, а в других местах и на колена становятся перед нею; но чтобы отблагодарить себя взаимно, садятся и мужчины, дабы избрать себе дам, какая понравится <...> Затем следуют фигуры с шутками, подавание карт, узелков, сделанных из платков, обманывание или отскакивание в танце одного от другого, перепрыгивание через платок высоко...» (Правила... С. 74).

Бал был не единственной возможностью весело и шумно провести ночь.

Альтернативой ему были холостые попойки в компании молодых гуляк, офицеров-бретёров, прослав-

ленных «шалунов» и пьяниц. Бал, как приличное и вполне светское времяпровождение, противопоставлялся этому разгулу, который, хотя и культивировался в определённых гвардейских кругах, в целом воспринимался как проявление «дурного тона», допустимое для молодого человека лишь в определённых, умеренных пределах.

Имя задачи: Исповедь, проповедь или отповедь Онегина?

Автор: Лялько Н.В., учитель русского языка и литературы средней школы № 44 г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 9.

Тема: Тема любви в романе «Евгений Онегин».

Профиль: Общеобразовательный.

Уровень: Общий.

Текст задачи. В ответ на письмо Татьяны, полное искреннего признания в любви, Онегин произносит исповедь («...примите исповедь мою...») или проповедь («...так проповедовал Евгений...»)? Марина Цветаева и Юрий Лотман называют монолог героя отповедью. Так что же это было: исповедь, проповедь или отповедь? Дайте обоснованный ответ, опираясь на текст «Евгения Онегина».

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с культурным образцом.

Возможные информационные источники

Книги:

Лотман Ю. Пушкин. Статьи и заметки. 1960–1990. СПб: Искусство — СПб, 1997.

Цветаева М. Мой Пушкин. М.: Художественная литература, 1980.

Культурный образец

Штильман С. Учимся читать классику. От заглавия до последней строки / Исповедь?.. Евгения Онегина. М.: Школьная пресса, 2002.

Так уж в нашем литературоведении повелось, что ответ Онегина на письмо Татьяны почему-то принято считать «отповедью», на худой конец — «сухим нравоучением». Например, в знаменитой статье «Мой Пушкин» со свойственной ей эмоциональностью М.И. Цветаева восклицает: «Да, да, девушки, признавайтесь — первые, и потом слушайте отповеди, и потом выходите замуж за почётных раненых, и потом слушайте признания и не снисходите до них...»

<...> В книге В.Н. Турбина «Поэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» раз за разом ответ Онегина называется именно отповедью.

<...> Правда, в работах других авторов можно встретить и иные толкования ответа Онегина: от уклончивого «объяснения» и дипломатичного ответа до вполне конкретного «возражения».

Пришло время разобраться — а что же всё-таки было? Как точно называть то, что «поведал» Онегин влюблённой провинциальной барышне в «тот страшный час» у скамейки?

РЕСУРСЫ

Начнём всё-таки с отповеди. В «Словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова читаем: «Отповедь — строгое наставление, ответ, содержащий резкий отпор чьему-нибудь суждению, выступлению». Даже неискущённому читателю бросится в глаза, что самое основное и лексически окрашенное в значении слова «отповедь» — резкий отпор. Ещё более недвусмысленное толкование этого понятия находим в четырёхтомном «Словаре русского языка Академии наук СССР». «Отповедь — ответ, замечание, заключающее в себе выговор, строгое возражение или осуждение чьих-то слов, поступков, поведения».

Думаем, никаких сомнений не вызывает то, что ничего подобного в ответе Онегина Татьяне не было. Наоборот. Одно то, что перед началом объяснения «минуты две они молчали», говорит о многом. Так ведут себя перед ответственным, может быть, даже жизненно важным разговором, когда тщательно взвешивают каждое готовое сорваться слово, боясь хоть чем-то ранить или оскорбить доверенность своего визави.

<...> Да и сам автор «Евгения Онегина», подводя итог объяснению двух своих главных героев, недвусмысленно подчёркивает деликатность Онегина:

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступил
С печальной Таней наш приятель;
Не в первый раз он тут явил
Души прямое благородство...

Какая уж тут отповедь! И вообще, давайте хоть на минуту попробуем к себе примерить ситуацию, в которую

попал Онегин. Экзальтированная провинциальная барышня, начитавшаяся модных в то время романов с Ловласами и Грандисонами, пишет малоизвестному ей адресату письмо по-французски. Это послание изобилует сентименталистскими и романтическими штампами, хотя и дышит неподдельным чувством.

Барышня наивна, неопытна и по-детски непосредственна. И вам предстоит объяснение с ней. Согласитесь, провести этот разговор так, чтобы не вызвать резко негативной реакции, — дело архисложное. А ведь Онегин этого добился. Несмотря на то, что он не предложил Татьяне руку и сердце, она продолжает надеяться. Иначе как понять бурю чувств во время именин, святочное гадание перед Татьяниным днём и многое другое, связанное с тем злосчастным днём? Да и в самом ответе Онегина прозвучали слова, которые барышня Ларина наверняка хорошо помнила. Может быть, в первую очередь именно их-то и помнила:

Я вас люблю любовью брата
И, может быть, ещё нежней.

Что же касается поведения Онегина на именинах Татьяны, как забыть про то, что

Он молча поклонился ей,
Но как-то взор его очей
Был чудно нежен...

Конечно, вовсе не исключено, что Онегин, «кокетствуя, шалил», распуская нежные взгляды. Но далее по тексту всё о том же:

Но взор сей нежность изъявил.
Он сердце Тани оживил.

Кстати, в комментариях к четвёртой главе «Евгения Онегина» Ю.М. Лотман по поводу объяснения у скамейки писал: «Онегин повёл себя не по законам литературы, а по нормам и правилам, которыми руководствовался достойный человек пушкинского круга в жизни».

Однако даже Лотман не вносит ясность в определение того, как можно и нужно называть объяснение Онегина с Татьяной. В том самом комментарии наряду с фразой «... проповедь Онегина противопоставлена письму Татьяны» — читаем: «Светская отповедь Онегина отсекала возможность и идиллического, и трагического литературного романного трафарета».

Опять — отповедь. Да не простая, а «светская». Мало того, она же и «проповедь»!

Так что же делать? Как выбрать-ся из этой словесной разногосицы? И с чем мы имеем дело: с «объяснением», «проповедью», «светской» или обычной «отповедью», сухим нравоучением или чем-то иным? Думаю, что лучшего третейского судьи, чем сам Пушкин, нам не найти. У него, кстати, слово отповедь отсутствует вовсе.

В своеобразной преамбуле своего объяснения Онегин, как известно, произносит весьма примечательную фразу:

Примите исповедь мою:
Себя на суд вам отдаю.

Снова обратившись к словарю, читаем у С.И. Ожегова: «Исповедь — откровенное признание в чём-либо, чистосердечное изложение чего-либо».

<...> XIV и XV строфы в IV главе романа представляют собой настолько откровенное и доверительное признание в собственном несовершенстве, что впору позавидовать тому покаянному пылу, с которым Онегин оплачивает Татьяне за искреннее письмо «признаньем также без искусства».

И всё-таки будет не вполне корректно настаивать на том, что всё объяснение, а точнее монолог, Онегина представляет собой именно исповедь, тем более что сразу после окончания речи главного героя романа мы в первой же строке XVII строфы читаем: «Так проповедовал Евгений».

Значит, не исповедь, а проповедь? И да, и нет! Нет — потому что основное содержание предыдущих строф, как уже было отмечено ранее, является всё-таки «откровенным признанием». Но вот последние -то три строчки, завершающие монолог Онегина, по-видимому являются проповедью:

Учитесь властвовать собою;
Не всякий вас, как я, поймёт;
К беде неопытность ведёт.

Точки с запятой после каждой фразы явственно обнаруживают те паузы, которые делал Онегин, говоря столь важные для будущей жизни Татьяны Лариной слова. Проповедь скороговоркой не произносится, поскольку это, по определению академического «Словаря русского языка», — «нравоучительная речь, наученье, наставленье».

<...>Татьяна оказалась прекрасной ученицей. А бывший учитель, быть может, немного подзабыл, какие

РЕСУРСЫ

«уроки» давал молоденькой «печальной Тане» в страшный для неё день.

<...> Автор Евгения Онегина пушкински точно характеризует монолог своего героя, сначала называя его «исповедью», а в заключение — «проповедью».

<...> Рассмотрим эти три слова, «претендующие» на роль определения монолога Онегина, с точки зрения семантики их приставок. Ис-поведь, от-поведь, про-поведь. Заменя, например, приставку ис- на от- — и получится совершенно новое слово, имеющее иное лексическое значение.

В «Словаре русского языка» Академии наук СССР узнаём, что одно из основных значений приставки ис- (оглушённого варианта из-) — направленность действия, движение изнутри, из пределов чего-либо. Логическое смысловое ударение падает на слово, рвущееся наружу. Покаянное слово сокрушённого грешника, оказывающего Татьяне высшее доверие и отдающего ей себя на суд. Доверие, которое Онегин оказывает Татьяне, — своеобразная плата за её безыскусное послание, написанное с такою «простотой» и «умом».

В свою очередь, для приставки про- в существительном характерно значение «направленности действия в глубину чего-либо». Это и понятно. Идёт разговор из «души в душу». А именно такие разговоры становятся достоянием душевной «памяти».

И, наконец, приставка от-. Одно из многих её значений — «удаление, отдаление, отстранение от чего-либо». Конечно, нельзя механически накладывать значение отдельно взятой приставки на то или иное слово, а тем более рассматривать её незави-

симо от самого слова. Согласимся, что кроме значения отстранения, слово «отповедь» содержит массу иных смысловых оттенков.

Имя задачи: Симметрия «Капитанской дочки»

Автор: Лялько Н.В., учитель русского языка и литературы средней школы № 44 г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 7–8.

Тема: Авторская позиция в повести «Капитанская дочка».

Профиль: Гуманитарный.

Уровень: Продвинутый.

Текст задачи. Основной принцип организации повести «Капитанская дочка» — симметрия.

Вся художественная ткань «Капитанской дочки» отчётливо распадается на два идейно-стилистических пласта, подчинённых изображению двух миров: дворянского и крестьянского.

Есть императрица Екатерина II, и есть самозванец — бунтовщик Емельян Пугачёв.

Видим ли мы пушкинскую оценку исторических событий, показанных посредством художественного вымысла? Какова авторская позиция?

В чём смысл названия повести «Капитанская дочка», исходя из принципа симметрии? Объясните свои суждения.

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с культурным образцом

Культурный образец

Лотман Ю. Пушкин. Статьи и заметки. 1960–1990. Идеиная структура «Капитанской дочки». СПб.: Искусство—СПБ, 1997.

<...> Вся художественная ткань «Капитанской дочки» отчётливо распадается на два идейно-стилистических пласта, подчинённых изображению двух миров: дворянского и крестьянского. Было бы недопустимым упрощением, препятствующим проникновению в подлинный замысел Пушкина, считать, что дворянский мир изображается в повести только сатирически, а крестьянский — только сочувственно, равно как и утверждать, что всё поэтическое в дворянском лагере принадлежит, по мнению Пушкина, не специфически дворянскому, а общенациональному началу.

Каждый из двух изображаемых Пушкиным миров имеет свой бытовой уклад, овеянный своеобразной, лишь ему присущей поэзией, свой склад мысли, свои эстетические идеалы. Быт Гринёвых, воспитание героя даются сквозь призму ассоциаций с бытом фонвизинских героев. Однако резкая сатиричность образов Фонвизина смягчена. Перед нами — рассказ вызывающего сочувствие читателей героя о своём детстве. Фонвизинские отзвуки воспринимаются не как сатирическое изображение уродства неразумной жизни плохих помещиков, а как воссоздание характерного в дворянском быту XVIII в.

Уклад жизни провинциального дворянина Гринёва не противопос-

тавлен, как это было у Фонвизина, вершинам дворянской культуры, а слит с ней воедино. «Простаковский» быт Гринёвых не снимает их связи с лучшими традициями дворянской культуры XVIII в. и их порождением — чувством долга, чести и человеческого достоинства. Не случайно «дворянский» пласт повести пронизан отзвуками и ассоциациями, воскрешающими атмосферу русской дворянской литературы XVIII в. с её культом долга, чести и человечности. Этой цели служат и эпитафии, частично подлинно заимствованные из поэтов XVIII в., частично под них стилизованные.

Пушкину важно было, чтобы имена А. Сумарокова, Я. Княжнина, М. Хераскова значились под названиями глав, определённым образом ориентируя читателя. Гринёв в детстве, как и Митрофан, «жил недорослем, гоняя голубей» (VIII, 280), но вырос не Скотининым, а честным офицером и поэтом, стихи которого, «для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял» (300). Точно так же «по-домашнему» вплетается в повествование и имя В. Тредиаковского, который оказывается учителем Швабрина. Гринёв — наследник русского вольтерьянского рационализма — не может без стыдливой оговорки о том, что «сродно человеку, предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам», рассказать о своём загадочном сне. В духе русских юристов XVIII в. — последователей Беккариа — он протестует против пытки. <...>

Крестьянский уклад жизни овеян своей поэзией: песни, сказки, леген-

ды пронизывают всю атмосферу повествования о народе. Особое место занимают пословицы, в которых выкристаллизовалось своеобразие народной мысли. Исследователи неоднократно обращали внимание на роль пословиц и загадок в характеристике Пугачёва. Но пословицами говорят и другие персонажи из народа. Савельич пишет в отписке барину: «...быль молодцу не укора: конь и о четырёх ногах, да спотыкается». Пушкин подчеркнул, что речь Пугачёва, вобравшая всё своеобразие народного языка, дворянину непонятна: «Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора», — пишет Гринёв. При этом показательно, что тайный «воровской» язык, которым пользуются Пугачёв и хозяин «умета», — это не арго, специальная речь, доступная лишь членам шайки, а язык пословиц и загадок — стусок национально-самобытной стихии языка. Смысл речи, непонятной Гринёву, прекрасно понятен читателю.

Разные по образу жизни, интересам, нравственным идеалам и поэтическому вдохновению, миры дворянский и крестьянский имеют и разные представления о государственной власти. Пушкин отбросил разделение властей на «законные» и «незаконные». Ещё во время путешествия по Уралу он обнаружил, что народ разделяет власть на дворянскую и крестьянскую и, подчиняясь силе первой, законной для себя считает вторую. В «Замечаниях о бунте» Пушкин писал: «Расскажи мне, говорил я Д. Пьянову, как Пугачёв был у тебя посаженным отцом? — Он для тебя Пугачёв, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий го-

сударь Пётр Федорович». Но и правительство — дворянская власть — по-разному относится к «своим», даже если они «изменники», и к «чужим». Оно вершит не правосудие, а классовую расправу: «Замечательна разность, которую правительство полагало между дворянством личным и дворянством родовым. Прапорщик Минеев и несколько других офицеров были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и пр. А Шванвич только ошельмован преломлением над головою шпаги».

Дворянская историография рассматривала самодержавную государственность как единственно возможную форму власти. В её представлении народное движение может привести лишь к хаосу и гибели государства. Не только реакционные, но и либеральные мыслители XVIII — начала XIX в. считали, что народное восстание несёт с собой общественный хаос. Просветительская точка зрения, особенно в её демократическом — руссоистском или радищевском — варианте, исходила из представлений о народном суверенитете и праве угнетённых на восстание. Совершенно с иных, чем у дворянских идеологов, позиций, просветительство было также нормативно. Оно делило государственные системы на правильные и неправильные и для каждого народа в данный исторический момент допускало лишь одну возможность.

Позиция Пушкина была принципиально иной. Увидев раскол общества на две противопоставленные, борющиеся силы, он понял, что причина подобного раскола лежит не в чьей-либо злой воле, не в низких нравственных свойствах той или иной

стороны, а в глубоких социальных процессах, не зависящих от воли или намерений людей. Поэтому Пушкину глубоко чужд односторонне-дидактический подход к истории. Он в борющихся сторонах видит не представителей порядка и анархии, не борцов за «естественное» договорное общество и нарушителей исконных прав человека. Он видит, что у каждой стороны есть своя, исторически и социально обоснованная «правда», которая исключает для неё возможность понять резоны противоположного лагеря. Более того, и у дворян, и у крестьян есть своя концепция законной власти и свои носители этой власти, которых каждая сторона с одинаковыми основаниями считает законными.

Екатерина — законная дворянская царица, и её управление соответствует правовым идеалам дворянства. Сама законность принципов её власти делает, в глазах дворянина, второстепенным вопрос о недостатках её личного характера, неизбежном спутнике самодержавия. И старик Гринёв, в облике которого Пушкин сознательно приглушил черты аристократического фрондёрства, сведя их с пьедестала самостоятельной политической позиции до уровня характеристической черты человека эпохи, наставляет сына: «Служи верно, кому присягнёшь...»

С точки зрения героев-дворян, Пугачёв — «злодей». Иван Кузьмич говорит Пугачёву: «Ты мне не государь», а Иван Игнатъич повторяет: «Ты нам не государь». Со своей стороны, крестьяне в повести, подобно собеседнику Пушкина Д. Пьянову, считают Пугачёва законным властителем, а дворян — «государевыми слушниками». Готовя материалы к

«Истории Пугачёва», Пушкин записал, что яицкие казаки «кричали: Не умели вы нас прежде взять, когда у нас Хозяина не было, а теперь Батюшка наш опять к нам приехал — и вам уж взять нас не можно; да и долго ли вам, дуракам, служить женщине — пора одуматься и служить государю». Гринёв же не может признать Пугачёва царем: «Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу».

Пушкин ясно видит, что, хотя «крестьянский царь» заимствует внешние признаки власти у дворянской государственности, содержание её — иное. Крестьянская власть патриархальнее, прямее связана с управляемой массой, лишена чиновников и окрашена в тона семейного демократизма. На «странном» для Гринёва военном совете у Пугачёва «все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю». В этом смысле кавалерские ленты на крестьянских тулупах сподвижников Пугачёва и оклеенная золотой бумагой крестьянская изба с рукомошкой на верёвочке, полотенцем на гвозде, ухватом в углу и широким шестком, уставленным горшками, — «дворец» Пугачёва — глубоко символичны.

Но именно эта крестьянская природа политической власти Пугачёва делает его одновременно вором и самозванцем для дворян и великим государем для народа. Пугачёв сам говорит Гринёву, что «кровопийцем» его называет «ваша братья», а Гринёв-старший знает, как и все дворяне, что цель «гносного бунта» была «ниспровержение престола и истребление дворянского рода».

РЕСУРСЫ

Осознание того, что социальное примирение сторон исключено, что в трагической борьбе обе стороны имеют свою классовую правду, по-новому раскрыло Пушкину уже давно волновавший его вопрос о жестокости как неизбежном спутнике общественной борьбы. В 1831 г. Пушкин, напряжённо ожидавший новой «Пугачёвщины», взволнованно наблюдал проявления жестокости восставшего народа. 3 августа 1831 г. он писал Вяземскому: «...ты верно слышал о возмущениях Новгородских и Старой Руси. Ужасы. Более ста человек генералов, полковников и офицеров перерезаны в Новг<ородских> поселениях со всеми утончениями злобы. Бунтовщики их секли, били по щекам, издевались над ними, разграбили дома, износили жён; 15 лекарей убито <...> бунт Старо-Русской ещё не прекращён. Военные чиновники не смеют ещё показаться на улице. Там четверили одного генерала, зарывали живых, и проч. Действовали мужики, которым полки выдали своих начальников. — Плохо, Ваше сиятельство!»

Впечатления Пушкина в этот период, видимо, совпадали с мыслями его корреспондента, видевшего события вблизи, Н.М. Коншина, который писал Пушкину: «Как свиреп в своём ожесточении добрый народ русской! Жалуют и истязают...». Эту двойную природу народной души — добрую, но ожесточённую — Пушкин тогда попробовал воплотить в образе Архипа, убивающего чиновников и спасающего кошку.

К моменту создания «Капитанской дочки» позиция Пушкина изменилась: мысль о жестокости крестьян заменилась представлением о роко-

вом и неизбежном ожесточении обеих враждующих сторон. Он начал тщательно фиксировать кровавые расправы, учинённые сторонниками правительства. В «Замечаниях о бунте» он писал: «Казни, произведённые в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений! „Остальных человек до тысячи (пишет Рычков) простили, отрезав им носы и уши»». Рядом с рассказом о расстреле пугачёвцами Харловой и её семилетнего брата, которые перед смертью «сползлись и обнялись — так и умерли», Пушкин внёс в путевые записки картину зверской расправы правительственных войск с ранеными пугачёвцами. «Когда под Тат<ишевой> разбили Пугачёва, то яицк<их> прискало в Оз<ёрную> израненных, — кто без руки, кто с разрубл<енной> головою <...>. А гусары галицынские и Хорвата так и ржут по улицам, да мясничат их».

Пушкин столкнулся с поразившим его явлением: крайняя жестокость обеих враждующих сторон происходила часто не от кровожадности тех или иных лиц, а от столкновения непримиримых социальных концепций. Добрый капитан Миронов не задумываясь прибегает к пытке, а добрые крестьяне вешают невиновного Гринёва, не испытывая к нему личной вражды: «Меня притащили под виселицу. „Не бось, не бось“, — повторяли мне губители, может быть, и вправду желая меня ободрить».

В том, что жестокость нельзя объяснить случайными причинами или характерами отдельных людей, убедил Пушкина рассказ Крылова о том, какое ожесточение вызвала

между детьми даже «игра в Пугачёвщину»: «Дети разделялись на две стороны, городовую и бунтовскую, и драки были значительные. <...>... Произошло в ребятах, между коими были и взрослые, такое остервенение, что принуждены были игру запретить. Жертвой оной чуть было не сделался некто Анчапов (живой доньне). Мертваго, поймав его, в одной экспедиции, повесил его кушаком на дереве. — Его отцепил прохожий солдат».

Невозможность примирения враждующих сторон и неизбежность кровавой и истребительной гражданской войны открылись Пушкину во всём своём роковом трагизме. Это только подчёркивалось тем, что, излагая события глазами наблюдателя-дворянина, Пушкин показывал социальную узость и необъективность точки зрения повествователя. Гринёв пишет: «Шайка выступила из крепости в порядке», и стилистический оксюморон «шайка выступила», подчёркнутый обстоятельством образа действия «в порядке», показывает и объективную картину выступления войска крестьян, и невозможность для наблюдателя-дворянина увидеть в этом войске что-либо, кроме шайки. Так построена вся ткань повествования. Отсюда, бесспорно, вытекает и то, что вызывавшие длительные споры сентенции повествователя принадлежат не Пушкину. Но из этого ещё не вытекает того, что Пушкин с ними не согласен.

Определение отношения автора к изображаемым им лагерям — коренной вопрос в проблематике «Капитанской дочки». Спор о том, кому следует приписать ту или иную сентенцию в тексте, не приблизит реше-

ния этого вопроса, ибо ясно, что сам способ превращения исторических героев в рупор авторских идей был Пушкину глубоко чужд. Гораздо существеннее проследить, какие герои и в каких ситуациях вызывают симпатии автора.

Когда-то, создавая оду «Вольность», Пушкин считал закон силой, стоящей над народом и правительством, воплощением справедливости. Сейчас перед ним раскрылось, что люди, живущие в социально разорванном обществе, неизбежно находят во власти одной из двух взаимоисключающих концепций законности и справедливости, причём законное с точки зрения одной социальной силы оказывается незаконным с точки зрения другой. Это убеждение обогатило Пушкина высоким историческим реализмом, позволило увидеть в истории столкновение реальных классовых сил и подвело к созданию таких глубоких по социальной аналитичности произведений, как «Сцены из рыцарских времён».

Но это же проникновение в законы истории снова и по-новому поставило перед Пушкиным издавна волновавший его вопрос о соотношении исторически неизбежного и человеческого. Мысль о том, что исторический прогресс неотделим от человечности, постоянно в той или иной форме присутствовала в сознании Пушкина.

Диалектика прав исторической закономерности и прав человеческой личности волновала Пушкина с 1826 г. Но теперь история предстала как внутренняя борьба, а не как некое единое движение, и Пушкин встал перед вопросом соотношения социальной борьбы и этического критерия гуманности.

РЕСУРСЫ

Пушкин раскрывает сложные противоречия, возникающие между политическими и этическими коллизиями в судьбах его героев. Справедливое с точки зрения законов дворянского государства оказывается бесчеловечным. Но было бы недопустимым упрощением отрицать, что этика крестьянского восстания XVIII в. раскрылась Пушкину не только в своей исторической оправданности, но и в чертах, для поэта решительно неприемлемых. Сложность мысли Пушкина раскрывается через особую структуру, которая заставляет героев, выходя из круга свойственных им классовых представлений, расширять свои нравственные горизонты.

Композиция романа построена исключительно симметрично. Сначала Маша оказывается в беде: суровые законы крестьянской революции губят её семью и угрожают её счастью. Гринёв отправляется к крестьянскому царю и спасает свою невесту. Затем Гринёв оказывается в беде, причина которой на сей раз кроется в законах дворянской государственности. Маша отправляется к дворянской царице и спасает жизнь своего жениха.

Рассмотрим основные сюжетные узлы. До десятой главы действие подчинено углублению конфликта между дворянским и крестьянским мирами. Герой, призванный воспитанием, присягой и собственными интересами стоять на стороне дворянского государства, убеждён в справедливости его законов. Нравственные и юридические нормы его среды совпадают с его стремлениями как человека. Но вот он в осаждённом Оренбурге узнаёт об опасности, грозящей Маше Мироновой. Как дворя-

нин и офицер, он обращается к своему начальнику по службе с просьбой о помощи, но в ответ слышит лекцию о предписаниях военного устава:

«— Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость.

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что я с ума сошёл (в чём почти и не ошибался).

— Как это? Очистить Белогорскую крепость? — сказал он наконец.

— Ручаюсь вам за успех, — отвечал я с жаром. — Только отпустите меня.

— Нет, молодой человек», — сказал он, качая головой. — На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать вас от коммуникации с главным стратегическим пунктом и получить над вами совершенную победу. Пресечённая коммуникация...

Я испугался, увидя его завлечённого в военные рассуждения...».

Речи и действия генерала справедливы и обоснованы с уставной точки зрения. Они законны и закономерны. Дав Гринёву войска, он нарушил бы правила военной теории; не дав их, он нарушает лишь требования человечности. Канцеляризм оборотов речи генерала подчёркивает новую сторону идеи законности: она оборачивается к герою своей формальной, бесчеловечной стороной. Это особенно ясно после того, как Гринёв раскрывает генералу интимную заинтересованность в судьбе Маши Мироновой. Он слышит ответ: «Бедный малый! Но всё же я никак не могу дать тебе роту солдат и полсотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагоразумна; я не могу взять её на свою ответственность». Генерал

как человек сочувствует Гринёву, но действует как чиновник.

Гринёв предпринимает совершенно неожиданный для русского дворянина и офицера XVIII в. шаг (недаром он сам называет свою мысль «странной»): он выходит из сферы действия дворянских законов и обращается за помощью к мужицкому царю. Однако в стане восставших действуют свои законы и нормативные политические идеи, которые столь же равнодушны к человеческой трагедии Гринёва. Более того, как дворянин, Гринёв враждебен народу, и законы восстания, политические интересы крестьян требуют не оказывать ему помощь, а уничтожить его. Подобное действие вытекало бы не из жестокости того или иного лица, а из автоматического применения общего закона к частному случаю.

Желая остаться дворянином и получить помощь от Пугачёва, Гринёв явно непоследователен. На это тотчас же указывает сподвижник Пугачёва Белобородов. Он говорит: «...не худо и господина офицера допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признаёт, так нечего у тебя и управы искать, а коли признаёт, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его в приказную, да запалить там огоньку: мне сдаётся, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров». Совет этот не выдаёт в его авторе какой-либо особой жестокости: пытка в XVIII в., как Пушкин отчётливо подчеркнул в двух параллельных сценах и специальном размышлении Гринёва, входила в нормальную практику дворянского государства. Что же касается сущ-

ности недоверия Белобородова к Гринёву, то оно вполне оправдывается классовыми интересами крестьянской революции.

Белобородов не верит Гринёву, потому что видит в нём дворянина и офицера, не признающего власти мужицкого царя и преданного интересам мира господ. Он имеет все основания заподозрить в Гринёве шпиона и, оставаясь в пределах интересов своего лагеря, совершенно прав. Этого не может не признать и Гринёв: «Логика старого злодея показалась мне довольно убедительною. Мороз пробежал по всему моему телу...» (348). Следует учесть, что характеристика Белобородова как злодея — дань социальной позиции Гринёва, который оправдывает прибегающего к пытке капитана Миронова нравами эпохи. Тогда станет ясно, что стремление Пугачёвского «фельдмаршала» отождествить живого человека с его социальной группой и перенести на его личность весь свой — справедливый — социальный гнев, обращаться с каждым из представителей враждебного класса по политическим законам отношения к этому классу повторяет логику остальных героев произведения: мироновых, зуриных и других.

По этим же законам действует и совсем не «злодей», а заурядный человек своего мира, Зурин. Одних слов: «Государев кум со своею хозяйскою», то есть свидетельства о принадлежности пойманных людей к миру восставших, ему достаточно, чтобы, не размышляя, отправить Гринёва в острог и приказать «хозяйскою» к себе привести (VIII, 361). Но вот Гринёв арестован, он приведён на суд. Его судьи — «пожилой гене-

рал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении» — тоже поступают «по законам». Они видят в Гринёве только связанного с «бунтовщиками» политического противника, а не человека. Уверенность же Гринёва в том, что ему удастся оправдаться, зиждилась совсем на иных основаниях — чувстве своей человеческой правоты.

С точки зрения дворянских законов Гринёв действительно виноват и заслуживает осуждения. Не случайно приговор ему произносит не только дворянский суд, но и родной отец, который называет его «ошельмованным изменником». Показательно, что не позорная казнь, ожидающая сына, составляет, по мнению Гринёва-отца, бесчестие, а измена дворянской этике. Казнь даже возвышает, если связана с возвышенными, для дворянина, умыслами и делами. «Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущёвым. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!..».

Как только Гринёв понял, что судьям нет дела до человеческой стороны его поступков, он прекращает самозащиту, боясь впутать Машу в бесчеловечный процесс формалистического судопроизводства.

Везде, где человеческая судьба Маши и Гринёва оказывается в соприкосновении с оправданными внутри данной политической системы, но бесчеловечными по сути зако-

нами, жизни и счастью героев грозит смертельная опасность.

Но герои не погибают: их спасает человечность. Машу Миронову спасает Пугачёв. Ему нечем опровергнуть доводы Белобородова: политические интересы требуют расправиться с Гринёвым и не пощадить дочь капитана Миронова. Но то чувство, которое примитивно, но прямо выразил Хлопуша, упрекнув Белобородова: «Тебе бы всё душить, да резать. <...> Разве мало крови на твоей совести?», — руководит и Пугачёвым. Он поступает так, как ему велят не политические соображения, а человеческое чувство. Он милостив, следовательно, непоследователен, ибо отступает от принципов, которые сам считает справедливыми. Но эта непоследовательность спасительна, ибо человечность таит в себе возможность более глубоких исторических концепций, чем социально оправданные, но схематичные и социально релятивные «законы». В этом смысле особо знаменательно то, что Пугачёв одобрительно отзывается о попадье, которая, спасая Машу, обманула пугачёвцев: «Хорошо сделала кумушка-попадья...»

Судьба Гринёва, осуждённого — и, с точки зрения формальной законности дворянского государства, справедливо, — в руках Екатерины II. Как глава дворянского государства Екатерина II должна осуществить правосудие и, следовательно, осудить Гринёва. Замечателен разговор её с Машей Мироновой: «„Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?“ — Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия». Противопоставление милости и правосудия, невозможное

ни для просветителей XVIII в., ни для декабристов, глубоко знаменательно для Пушкина.

Справедливость — следование законам — осуждает на казнь сначала Клавдио, а затем и самого Анджело, милость — спасает их: «И Дук его простил...» Пётр «прощенье торжествует, / Как победу над врагом», «виноватому вину / Отпуская, веселится...». Тема милости становится одной из основных для позднего Пушкина. Он включил в «Памятник» как одну из своих высших духовных заслуг то, что он «милость к падшим призывал». «Милость» для Пушкина — отнюдь не стремление поставить на деспотизм либеральную заплату. Речь идёт об ином: Пушкин мечтает о формах государственной жизни, основанной на подлинно человеческих отношениях. Поэт раскрывает несостоятельность политических концепций, которыми руководствуются герои его повести, следующим образом: он заставляет их переносить свои политические убеждения из общих сфер на судьбу живой человеческой личности, видеть в героях не Машу Миронову и Петра Гринёва, а «дворян» или «бунтовщиков».

В основе авторской позиции лежит стремление к политике, которая возводит человечность в государственный принцип, не заменяющий человеческие отношения политическими, а превращающий политику в человечность. Но Пушкин — человек трезвого политического мышления. Утопическая мечта об обществе социальной гармонии им выражается не прямо, а через отрицание любых политически реальных систем, которые могла предложить ему историческая действительность: феодаль-

но-самодержавных и буржуазно-демократических («слова, слова, слова...»). Поэтому стремление Пушкина положительно оценить те минуты, когда люди политики, вопреки своим убеждениям и «законным интересам», возвышаются до простых человеческих душевных движений, — совсем не дань «либеральной ограниченности», а любопытнейшая веха в истории русского социального утопизма — закономерный этап на пути к широчайшему течению русской мысли XIX в., включающему и утопических социалистов, и крестьянских утопистов-уравнителей, и весь тот поток духовных исканий, который, по словам В.И. Ленина, «выстрадал», подготовил русский марксизм.

В связи со всем сказанным приходится решительно отказаться как от упрощения от распространённого представления о том, что образ Екатерины II дан в повести как отрицательный и сознательно сниженный. Для того чтобы доказать этот тезис, исследователям приходится совершать грубое насилие над пушкинским текстом. Приведём один пример. Д.Д. Благой в богатой тонкими наблюдениями книге «Мастерство Пушкина» приводит обширную цитату из знаменитой сцены встречи Маши Мироновой и императрицы в царском сельском парке, обрывая её на словах: «Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув» — и комментируя: «От „прелести неизъяснимой» облика незнакомки, как видим, не остаётся и следа. Перед нами не приветливо улыбающаяся „дама», а разгневанная, властная императрица, от которой бесполезно ждать снисхождения и пощады.

Тем ярче по сравнению с этим проступает глубокая человечность в отношении к Гринёву и его невесте Пугачёва».

Однако «Капитанская дочка» — настолько общеизвестное произведение, что и неподготовленному читателю ясно: в повести Пушкина Екатерина II помиловала Гринёва, подобно тому как Пугачёв Машу и того же Гринёва. Что же после этого означают слова о том, что от неё «бесполезно ждать снисхождения и пощады»? В исследовательской литературе с большой тонкостью указывалось на связь изображения императрицы в повести с известным портретом Боровиковского. Однако решительно нельзя согласиться с тем, что бытовое, «человеческое», а не условно-официальное изображение Екатерины II связано со стремлением «снизить» её образ или даже «разоблачить» её как недостойную своей государственной миссии правительницу. Пушкину в эти годы глубоко свойственно представление о том, что человеческая простота составляет основу величия (ср., например, стихотворение «Полководец»).

Именно то, что в Екатерине II, по повести Пушкина, наряду с императрицей живёт дама средних лет, гуляющая по парку с собачкой, позволило ей проявить человечность. «Императрица не может его простить», — говорит Екатерина II Маше Мироновой. Однако она не только императрица, но и человек, и это спасает героя, а непредвзятому читателю не даёт воспринять образ как односторонне отрицательный.

Ставить вопрос: на чьей из двух борющихся сторон стоит Пушкин? — значит не понимать идейной структу-

ры повести. Пушкин видит роковую неизбежность борьбы, понимает историческую обоснованность крестьянского восстания, отказывается видеть в его руководителях «злодеев». Но он не видит пути, который от идей и действий любого из борющихся лагерей вёл бы к тому обществу человечности, братства и вдохновения, туманные контуры которого возникали в его сознании.

Вопрос об отношении Пушкина к социально-утопическим учениям Запада 1820-1830-х гг. и его роли в развитии русского утопизма — не только не изучен, но и не поставлен. Между тем вне этой проблематики многое в творчестве позднего Пушкина не может быть понято или получает неправильное истолкование. Настоящий очерк не ставит и не может ставить перед собой задачи изучения этих сторон творчества Пушкина, однако не учитывать их невозможно.

Утопические идеи 1820-1830-х гг. при всём своём разнообразии имели некоторые общие черты: критику капитализма как экономической системы, буржуазной демократии как политической системы, разочарование в политической борьбе, которую приравнивают к буржуазному политиканству, разочарование в насильственной революции как приводящей к буржуазным порядкам. Разочарование в парламентских формах политической жизни в сочетании с отсутствием ясного представления об исторических путях, которые могут привести к грядущему справедливому обществу, породило у определённой части утопистов преувеличенные надежды на правительство, особенно на личную власть, якобы способную возвыситься над современным ему

обществом. В этом отношении, например, показательна сложная диалектика отношения Белинского к правительству в конце 1830-х гг.

Весьма любопытно отношение к этому вопросу Пушкина — автора «Капитанской дочки».

В период «Полтавы» поэт, перед которым раскрылась закономерность как основная черта истории человечества, склонен был считать великим лишь того исторического деятеля, который победил в себе всё случайное, индивидуальное, человеческое, слив свое «я» без остатка с прогрессивным историческим развитием. Но уже с «Героя», с его требованием оставить «герою сердце», всё более выдвигается вперёд представление о том, что прогрессивность исторического деятеля измеряется степенью его человечности. У этого вопроса был и другой аспект. Начало 1830-х гг. — время роста антисамодержавных настроений Пушкина.

В «Моей родословной» и «Дубровском» правительство, опирающееся на псевдоаристократию и чиновников, — основной враг. Царь — воплощённое государство, вершина его аппарата. Во второй половине 1830-х гг. для Пушкина характерны утопические попытки отделить личность царя от государственного аппарата. Отделив его — живого человека — от бездушной бюрократической машины, он надеялся, сам ощущая утопичность своих надежд (в 1834 г. он писал в дневнике о безнравственности политических привычек Николая I: «...что ни говори, мудрено быть самодержавным» — XII, 329), на помощь человека, стоящего во главе государства, в деле преобразования общества на человеческой

основе, создания общества, превращающего человечность и доброту из личного свойства в государственный принцип. Таков Дук в «Анджело», Пётр в «Пире Петра Первого».

В этом смысле любопытно, и это отметил Ю.Г. Оксман, что в «Капитанской дочке» подчёркнута, по сравнению с «Историей Пугачёва», роль Пугачёва как руководителя народного государства: в «Истории Пугачёва» Пушкин был склонен видеть в нём отважного человека, но игрушку в руках казачьих вожakov. Так, Пушкина привлекло «приватное известие» о том, что якобы арестованный Пугачёв «уличал» своих сподвижников, «что они несколько дней упрашивали (в вариантах выразительнее: «тр<ебовали>») его принять на себя имя пок<ойного> государя и быть бы их предводителем, от чего он долго отрицался, а наконец хотя и согласился, но всё делал с их воли и согласия, а они иногда и без и против его». Из тех же соображений Пушкин привлёк рассказ о гибели любимца Пугачёва Карницкого: «Уральск<ие> каз<аки> из ревности в Тат<ищевой> посадили его в куль да бросили в воду. — Где Карн<ицкий>, спросил Пугачёв. — Пошел к матери по Яику, отвечали они. Пугачёв махнул рукою и ничего не сказал. — Такова была воля яйцк<им> казакам!».

А в «Капитанской дочке» Пугачёв наделён достаточной властью, чтобы самостоятельно и вопреки своим сподвижникам спасти и Гринёва, и Машу Миронову. Пушкин начинает ценить в историческом деятеле способность проявить человеческую самостоятельность, не раствориться в поддерживающей его государственной бюрократии, законах, политической игре. Прямое, без посредующих зве-

ньев, обращение Маши к Екатерине II, доступность и человечность Дука, который не ставит между жизнью и собой мёртвой фикции закона, независимость Пугачёва от мнения своих «пьяниц», которые «не пощадили бы бедную девушку», обеспечивают счастливые развязки человеческих судеб.

Было бы заблуждением считать, что Пушкин, видя ограниченность (но и историческую оправданность) обоих лагерей — дворянского и крестьянского — приравнивал их в этическом плане. Крестьянский лагерь и его руководители привлекали Пушкина своей поэтичностью, которой он, конечно, не чувствовал ни в оренбургском коменданте, ни при дворе Екатерины. Поэтичность же была для Пушкина связана не только с колоритностью ярких человеческих личностей, но и с самой природой народной «власти», чуждой бюрократии и мертвящего формализма.

Русское общество конца XVIII в., как и современное поэту, не удовлетворяет его. Ни одна из наличных социально-политических сил не представляется ему в достаточной степени человечной. В этом смысле любопытно соотношение Гринёва и Швабрина. Нельзя согласиться ни с тем, что образ Гринёва принижен и оглуплён, вроде, например, Белкина в «Истории села Горюхина», ни с тем, что он лишь по цензурным причинам заменяет центрального героя типа Дубровского — Шванвича.

Гринёв — не рупор идей Пушкина. Он русский дворянин, человек XVIII в., с печатью своей эпохи на челе. Но в нём есть нечто, что привлекает к нему симпатии автора и читателей: он не укладывается в рамки дворянской этики своего времени, для этого он

слишком человечен. Ни в одном из современных ему лагерей он не растворяется полностью. В нём видны черты более высокой, более гуманной человеческой организации, выходящей за пределы его времени. Отсвет пушкинской мечты о подлинно человеческих общественных отношениях падает и на Гринёва. В этом — глубокое отличие Гринёва от Швабрина, который без остатка умещается в игре социальных сил своего времени.

Гринёв у пугачёвцев на подозрении как дворянин и заступник за дочь их врага, у правительства — как друг Пугачёва. Он не «пришёлся» ни к одному лагерю. Швабрин — к обоим: дворянин со всеми дворянскими предрассудками (дуэль), с чисто словесным презрением к достоинству другого человека, он становится слугой Пугачёва. Швабрин морально ниже, чем рядовой дворянин Зурин, который, воспитанный в кругу словесных представлений, не чувствует их бесчеловечность, но служит тому, в справедливость чего верит. Для Пушкина в «Капитанской дочке» правильный путь состоит не в том, чтобы из одного лагеря современности перейти в другой, а в том, чтобы подняться над «жестоким веком», сохранив в себе гуманность, человеческое достоинство и уважение к живой жизни других людей. В этом для него состоит подлинный путь к народу.

Штильман С. Учимся читать классику. От заглавия до последней строки / Нить Ариадны. М.: Школьная пресса, 2002.

<...> Алгоритм постижения духа и буквы произведений, названия которых на первый взгляд и так понят-

ны, всё тот же. Ведь заглавие, имя — это не только лаконичная, до предела сжатая информация о теме и идее произведения, это очень часто — его судьба, ибо, по Павлу Флоренскому, «...по имени и житие, а не имя по житию». И Пушкин вовсе не случайно назвал свою повесть «Капитанская дочка» именно так, а не иначе. Основания для такого названия, такого имени у него, несомненно, были.

Действительно, слово «капитанская» сразу же придаёт названию повести значение, связанное с войной, военными, «вечными титулярными советниками» русской армии, «её рабочими лошадками».

О слове «дочка» — разговор особый. Суффикс -к-, придающий этому слову уменьшительно-ласкательное (в данном случае больше ласкательное) значение во многом определяет и «тон» повествования, и его лирическую «нотку».

Согласимся с тем, что между словами «дочь» и «дочка» разница не столько лексическая, фонетическая или словообразовательная, сколько этическая и эстетическая.

Кроме того, от самого сочетания (словосочетания), довольно «жёсткого» по своему лексическому значению прилагательного и трогательно-душевного существительного возникает ощущение, что в повести непременно будет сочетаться рассказ о делах военных с повествованием об истории любви героев, причём и то и другое будет неразрывно, нерасторжимо связано друг с другом. Важно и то, что Маша — дочь военного — в экстремальной ситуации будет вести себя мужественно и действовать решительно. А если при этом принять во внимание, что основным принци-

пом организации повести является симметрия (зеркальность), становится понятным и то, почему картины войны и мира, любви и государевой службы даны параллельно, отражаются друг в друге.

Имя задачи: Загадка «Памятника»

Автор: Лялько Н.В., учитель русского языка и литературы средней школы № 44 г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 9.

Тема: Предназначение поэта.

Профиль: Общеобразовательный.

Уровень: Общий.

Текст задачи:

1. Стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» написано А.С. Пушкиным за пять месяцев до смерти. Сорок лет со дня первой публикации в 1841 году стихотворение просуществовало под названием «Памятник» в редакции В.А. Жуковского, друга и учителя Пушкина. Почему Жуковский подверг редакции пушкинский текст?

Я памятник себе воздвиг
нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Наполеонова столпа.

2. В 1881 году Бартенёв опубликовал подлинный пушкинский текст, где последняя строка четверостишия звучит в знакомом нам варианте — «Александрийского столпа». Почему Александрийского, а не Александрова, не Александровского, как предполо-

РЕСУРСЫ

лагали грамматические нормы русского языка первой трети XIX века (если речь идёт об Александровой колонне на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге)? К тому же А.С. Пушкин считал законы словообразования обязательными и не мог допустить такой вольности.

3. Стихотворение «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» считается духовным завещанием поэта потомкам. Правомерно ли это, если в цитируемых строках угадывается дух соперничества, а далее мы читаем о личном бескорыстии и равнодушии к «хвале и клевете»?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с культурным образцом.

Возможные информационные источники

Web-сайты:

<http://pushkin.niv.ru/>

http://pushkin-live.ru/biografiya/biografiya_1.html

<http://www.gumer.info/>

Культурный образец

Красухин Г. *Художественный мир Пушкина в его наиболее примечательных произведениях*. М.: Бослен, 2013.

<...>К мысли о преходящести всего сущего и о бессмертной свежести и вечной новизне искусства вер-

нулся — воплотил её в стихотворении «Я памятник себе воздвиг себе нерукотворный», по давней традиции называемом «Памятник». <...>Она восходит к заглавию, которое дал этому стихотворению Жуковский, опубликовав его в 1841 году. Заглавие — это наименьший ущерб, который нанесла стихотворению редакция Жуковского. Его первая строфа была напечатана в таком виде:

Я памятник себе воздвиг
нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Наполеонова столпа.

«В Наполеоновом столпе виноват, конечно, ты...», — писал Жуковскому Гоголь. <...> Текст всего стихотворения Гоголь запомнил, но что в Наполеоновом столпе виноват, конечно, Жуковский, он был убеждён абсолютно.

Потому, скорее всего, что глубже Жуковского вник в замысел пушкинского стихотворения, понял, что в нём современный Пушкину памятник появиться не мог бы ни за что.

Почему его ввёл в стихотворение Жуковский, друг Пушкина, любивший покойного поэта, догадаться нетрудно. Василий Андреевич руководствовался здесь самыми благими намерениями. Доказывал правительству Николая, не жаловавшему при жизни вольнодумца-поэта, каким горячим патриотом России был Пушкин. Жест благородный и не искажающий сути явления: Пушкин и в самом деле был горячим российским патриотом. Но последствия такого жеста оказались ужасными для стихотворения Пушкина, которое редакция Жуковского

обрекла на самую страшную для художественного произведения участь — быть понятым превратно! Разумеется, имеет значение время бытования «Наполеонова столпа» в стихотворении. Сорок лет, в течение которых он продержался в публикациях, — это не одно поколение читателей, толковавших пушкинские стихи в заданном Жуковским духе. А с другой стороны, Жуковскому, желавшему усилить патриотическую ноту в стихах Пушкина, и в голову не могло прийти, что пушкинский «Александрейский столп» мог означать Александрову колонну в Петербурге.

В пушкинские времена с этим было чётко: Александров, Александровский — от имени, александрейский — от города Александрии. В принципе, в 1881 году, когда Бартенёв опубликовал полный пушкинский текст, действовали те же правила словообразования. Но живой язык подвижен, и строгие грамматические нормы образования и употребления слова по разным причинам со временем ослабевают. То, что казалось невозможным в поэзии первой трети XIX века, посчитали вполне допустимым в его последней трети. Привыкшая к современному Пушкину памятнику, над которым, по воле Жуковского, поэт возносился со своим «нерукотворным», читательская публика и в «александрейском столпе» увидела памятник, тоже современный Пушкину, легко списав на поэтическую вольность грамматическую неловкость его названия. Тем более, что великий архитектор Огюст Монферан, установившая в 1834 году на Дворцовой площади в Петербурге в честь победы над Наполеоном памятник Александру I, явно отталкивался от Ван-

домской колонны (Наполеонова столпа) — тоже чуда искусства, возведённого по приказу Наполеона в Париже в честь его побед <...>

Получалось, что замена Жуковского была вынужденной и что он блестяще вышел из щекотливого положения. Ведь Александрову колонну приказал поставить Николай I, она его детище. К тому же не случайно, что бывший прежде самым высоким памятником Европы (46 метров) Наполеонов столп оказался на полтора метра ниже Александрова: тем самым новый памятник как бы символически принижал французского венценосца и возвеличивал его победителя — Александра. И стало быть, если его памятник имел в виду Пушкин, то Жуковский не просто отводил от покойного друга грозу августейшего гнева, но, тонко маневрируя, побуждал императора добром вспоминать поэта.

Однако Пушкин имел в виду вовсе не этот памятник, к которому вели следы от установленного Жуковским Наполеонова столпа. Подменив памятник, Жуковский разорвал связи пушкинского стихотворения с одой Горация «К Мельпомене». Точнее, поскольку он не тронул пушкинского эпитафия из этой оды: «*Exegi monumentum*» («Я воздвиг памятник»), сделал связи с ней формальными: эпитаграф в этом случае стал указывать всего только на источник пушкинского текста.

<...> Но если относиться к Александрейскому столпу, исходя из законов языка, обязательного для Пушкина и его современников, — то есть как к памятнику, поставленному в Александрии, — то связи пушкинского стихотворения и горацианской оды оживут, станут естественными — та-

РЕСУРСЫ

кими, какими и устанавливал их Пушкин. Несомненно, он обратил внимание на то, что в своей оде римский поэт возносился с собственным творчеством «выше пирамид», которые вместе с шестью другими памятниками были объявлены древними семью чудесами света.

Одно из подобных чудес соорудили александрийцы — поставили на острове Фарос рядом с городом невероятный для своего времени по высоте (120 метров!) маяк, названный Фаросом Александрийским. Поэтому и вознёс над ним Пушкин свой «нерукотворный» памятник, что с огромной высоты, из громадного далека легендарный маяк помогал людям ориентироваться во тьме и в безбрежном пространстве. Сопоставляя с таким его качеством искусство, Пушкин уверенно возглашал «нерукотворную» светоносность выше рукотворной. И этим добавлял аргументов убеждённости Горация в том, что неподвластно времени и любым проявлениям стихии, способное удержать в себе навеки дух и душу художника его творчество есть восьмое чудо света. Вот главное, в чём перекликаются ода Горация и стихотворение Пушкина.

<...> Не согнувши «ни совести, ни помыслов, ни шеи», «нерукотворный» пушкинский памятник возлетел «во области заочны», возносясь светоносной своей «главою непокорной» выше александрийского столпа, о котором и в пушкинские времена сохранялись воспоминания как о самом мощном из всех когда-либо сооружённых людьми источников света.

И не только над рукотворным светильником воспарил пушкинский памятник.

Пушкин воздвиг памятник, который не расходится с представлением народа, закрепившего их в своей записанной В.И. Далем поговорке: «Свет плоти — солнце, свет духа — истина». Пушкин идёт за народом, исчерпывающе охарактеризовавшим свойство двух самых мощных мировых светильников: солнце — свет плоти, истина — свет духа — и этим как бы ограничившим круг не тех, кому они светят, но тех, кто может различить их свет.

<...> Нерукотворный — духовный, духоносный — пушкинский памятник освещает людям путь к истине.

И потому — «к нему не зарастёт народная тропа».

<...> Темы пушкинского стихотворения Жуковский не расслышал. Он понимал, конечно, что в «Памятнике» Пушкин ведёт речь о высшей свободе — о свободе проявления человеческого духа, которое не ограничивается какой-либо собственной односторонностью, но вбирает её в себя как часть в целое.

Имя задачи: Гений Пушкина

Автор: Лялько Н.В., учитель русского языка и литературы средней школы № 44 г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 9.

Тема: Значение творчества А.С. Пушкина для русской литературы.

Профиль: Общеобразовательный.

Уровень: Общий.

Текст задачи. В чём состоит главное свойство гения Пушкина?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с культурным образцом.

Возможные информационные источники

Книги:

Андреев Д. Роза мира. М.: ЭКСМО, 2006.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Азбука-классика, 2011.

Культурный образец

Лотман Ю.М. Пушкин притягивает нас, как сама жизнь // Русская газета (Специальный выпуск). Тарту, 1 ноября 1993.

Не сетуйте: таков судьбы закон.
Меняется весь мир вокруг человека,
Ужель один недвижим будет он?

— вот ответ на вопрос: «Меняется ли отношение к Пушкину в течение жизни?»

Меняется мир, вместе с ним меняется и человек. Меняется не только наш взгляд и мы сами, меняется и Пушкин. Многогранный, сложный, объёмный мир не укладывается в слово и даже во многие слова. Приведу пример. Те, кто бывал в Эрмитаже и видел скульптуру Вольтера работы Ж.А. Гудона, знают о её удивительном свойстве. Когда вы обходите её, у скульптуры меняется выражение лица. Вы видите, как Вольтер плачет, издевается, смотрит на мир трагически и задыхается от смеха. Каза-

лось бы, мрамор недвижим, но меняется наша точка зрения и меняется лицо скульптуры. Точно также, когда мы обходим мир, он меняется. Не только мы меняемся перед лицом мира, но и мир меняется перед нашим лицом.

Одна из замечательных особенностей Пушкина — способность находиться с нами в состоянии диалога. Вы можете сказать: как же так? Его книги напечатаны, страницы зафиксированы, буквы сдвинуть с места нельзя. А меж тем система, которую Пушкин создал и запустил в мир, — это динамическая структура, она накапливает смысл, она умнеет, она заставляет нас умнеть, она отвечает нам на те вопросы, которых Пушкин не мог знать. Эта система — сам поэт. Поэтому в том, что он меняется перед нашим взглядом, нет ничего удивительного: в этом его жизненность. Любое сложное, богатое произведение искусства тем и отличается от других созданий человеческих рук, что обладает внутренней динамикой.

Когда вы имеете дело с гениальным человеком, вы никогда не сможете очертить до конца возможности его будущего. Замечательно об этом сказано в набросках романа о декабристах Л. Толстого. После возвращения из Сибири в Москву одному из декабристов жена говорит замечательные слова: «Я могу предсказать, что сделает наш сын, а вот ты ещё можешь меня удивить». Вот эта способность удивлять — свойство гения. Гений — это не только романтическое и красивое слово, это — довольно точное понятие.

Гений отличается от других одарённых людей высокой степенью

РЕСУРСЫ

непредсказуемости. Это свойство гениальности в высшей степени присуще Пушкину. Из-за его ранней гибели, трагических обстоятельств обрыва его творчества, невозможно предсказать, что бы он мог сделать, если бы прошёл по жизни ещё шаг, два, десять... Очень интересно, что его друг Баратынский, сам гениальный поэт, после гибели Пушкина получивший доступ к его рукописям, пишет о них своей жене поразительные слова: «Они отличаются — ты не поверишь! — глубиной». И дальше замечательная фраза: «Он только созрел».

Что это значит? Совсем не то, что он был незрел до этого, а то, что пришла вторая, третья — новая зрелость. Это тоже одна из особенностей Пушкина — обретать новую зрелость. В очень тяжёлую для себя минуту, когда умер А.А. Дельвиг — единственный близкий друг из лицейцев (двое других были в Сибири), он пишет П.А. Плетнёву: «Но жизнь все ещё богата; мы встретим ещё новых знакомцев: новые созреют нам друзья;... мы будем старые хрычи, жёны наши — старые хрычовки, а детки будут славные; молодые; весёлые ребята; а мальчики станут повесничать, а девочки сентиментальничать; а нам то и любо». Эти строки говорят о том, какой необыкновенной силой притяжения жизни обладал сам поэт.

Пушкин притягивает нас, как сама жизнь. Он способен подняться до понимания поэзии болезни, помогая её пережить:

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота,
без гнева
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит
зева;
Играет на лице ещё багровый цвет.
Она жива ещё сегодня, завтра — нет.

Под этими строками мог подписаться любой декадент. Но у Пушкина в этих строках притягивает здоровье в интонации. Ведь стихи говорят разными голосами. Помните у Жуковского — «Молчание понятно говорит»? У Пушкина интонация не болезнь, у него сила принятия болезни как формы жизни, принятие жизни и в её трагических проявлениях. Эта как бы сопричастность здоровью — тоже поразительное свойство Пушкина.

Особенность глубоких вещей, в том числе и пушкинских текстов, в том, что каждый берёт от них столько, сколько может вместить. Так было и будет всегда. Сегодня много говорят о том, что наступило трудное время. За этими словами стоит иждивенчество — сделайте мне лёгкое время и я тоже буду честный человек. Что значит трудное время? А когда оно было лёгким? Разве у Пушкина было лёгкое время? Для мужества, для работы, для добра — всегда его время. Как отзовётся то, что мы делаем сегодня, — очень трудно сказать. Делаем, как можем. И да не будет нам сказано, что мы сидели, сложа руки, когда надо было дело делать.